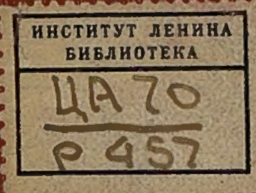
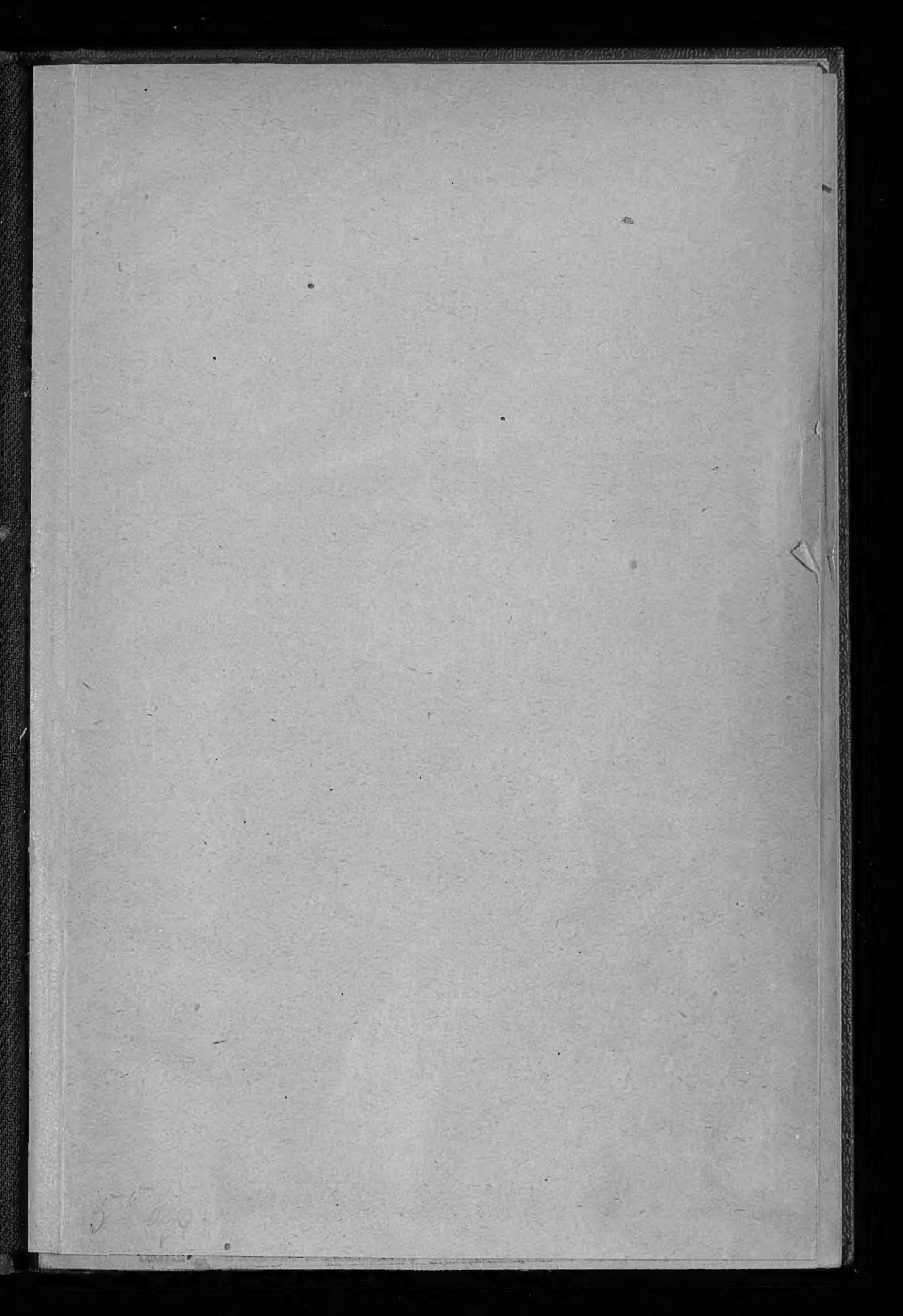
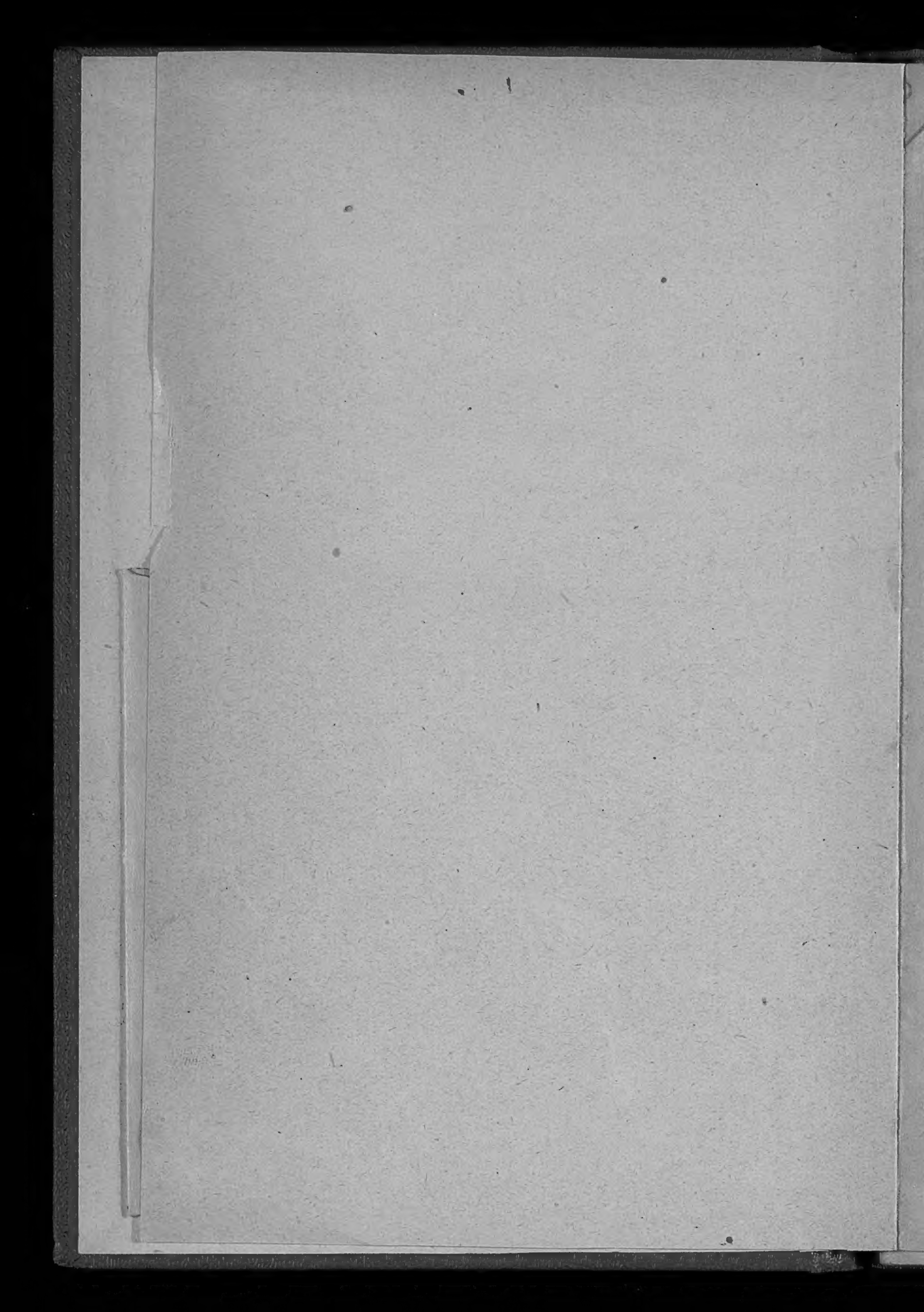

РЕВОЛЮЦ.

БРОШЮРЪ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Революціонный Броненосецъ.

ВОЗСТАНІЕ ВЪ ЧЕРНОМОРСКОМЪ ФЛОТѢ.

(По матеріаламъ „Искры" и „Соціальдемократа").

Съ четырьмя гравюрами.

Цѣна 1 франкъ.

Сборъ въ пользу эмигрировавшаго экипажа „Князя Потемкина".

Изданіе „Искры".

ЖЕНЕВА.
Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.
1905.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Революціонный Броненосецъ.

Возстаніе въ Черноморскомъ флотѣ.

(По матеріаламъ „Искры" и „Соціальдемократа").

Съ четырьмя гравюрами.

Цѣна 1 франкъ.

Сборъ въ пользу эмигрировавшаго экипажа „Князя Потемкина".

Изданіе „Искры".

ЖЕНЕВА.
Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.
1905.

Военная сила на службѣ революціи [1].

Посвящается матросамъ соціальдемократамъ перваго броненосца, водрузившаго красный флагъ.

Грозный, несется по волнамъ Чернаго моря броненосецъ „Князь Потемкинъ", держа въ страхѣ и трепетѣ всю преступную свору Романовскихъ опричниковъ. Онъ одинъ изъ крупныхъ боевыхъ судовъ — на службѣ у революціи. У русскаго царя еще много броненосцевъ. „Потемкинъ" — одинъ, но надъ головами его экипажа вѣетъ красное знамя — знамя освобожденія рабочаго класса — и подъ этимъ знаменемъ стоятъ люди, которыхъ сплотило одно чувство, одна мысль. Ихъ много еще — судовъ подъ Андреевскимъ флагомъ — но этотъ флагъ уже не властенъ надъ умами и душами собранныхъ на судахъ моряковъ, и нѣтъ уже той силы, которая заставила бы ихъ слушаться преступной команды начальниковъ. И, безсильные, отступаютъ царскіе офицеры передъ боевыми движеніями „краснаго броненосца"; со стыдомъ убѣгаютъ десять военныхъ судовъ отъ одной угрозы одного — но за то революціоннаго! — корабля! И, вѣстникъ близкой уже народной свободы, мчится онъ дальше, дѣлая свое дѣло, сѣя смуту въ рядахъ враговъ народа, ожидая удобнаго случая, чтобы нанести имъ новый ударъ. И сквозь густую пелену тумана, которымъ окутало всю русскую жизнь самодержавіе, проникаютъ лучи восходящаго солнца свободы, пронизывая мглу безмолвія и невѣдѣнія: въ народѣ распространяется вѣсть о смѣломъ матросскомъ подвигѣ и не въ одной солдатской головѣ уже зрѣетъ мысль: „а что если бы и намъ попробовать также?"

Никому невѣдомые, для всѣхъ безымянные товарищи-матросы, начавшіе первое вооруженное возстаніе противъ царской власти! Борющійся пролетаріатъ привѣтствуетъ ваше геройское начинаніе, всѣми своими силами поспѣшитъ онъ поддержать его. И если и на этотъ разъ еще не побѣдитъ правое дѣло, если не удастся вамъ начать ту послѣднюю борьбу, которая нанесетъ смертельную рану зажившемуся чудовищу, если вамъ придется увеличить собой списокъ жертвъ русской революціи — то сознательный пролетаріатъ докончитъ то, что вы такъ славно начали, занося во всѣ казармы, во всѣ части войска благую вѣсть о томъ, что пришла пора, когда солдатъ-революціонеръ можетъ, когда онъ долженъ звать и за собою вести въ бой возставшую солдатскую массу!

* * *

„Военнымъ нечего заниматься политикой, ихъ дѣло защита отечества", такъ говорятъ тѣ штатскіе люди, которые ведутъ на поводу грозную военную силу. Тѣ самые люди говорятъ такъ, которые стараются сдѣлать изъ солдатъ главную силу для поддержанія своего собственнаго политическаго господства. А между тѣмъ въ исторіи Россіи военная сила нерѣдко вовлека-

[1]) Изъ № 8 „Соц. Дем.". Написано до сдачи „Потемкина".

лась уже въ политическую борьбу, нерѣдко рѣшала судьбу правительства.

Гвардейскіе полки *Петербурга* въ восемнадцатомъ вѣкѣ только и дѣлали, что устраивали заговоры, свергали министровъ и всемогущихъ правителей; низлагали съ престола царей и подчасъ убивали ихъ. Сверженіе правительницы Анны Леопольдовны съ царевичемъ Іоанномъ VI и возведеніе на престолъ Елизаветы Петровны, потомъ сверженіе и убійство Петра III для возведенія на престолъ Екатерины II, потомъ убійство Павла I — все это было дѣло рукъ военныхъ заговорщиковъ. Офицера организовали заговоры, за ними шли солдатскіе полки. Часто причиной недовольства служило угнетеніе правительства, цѣль же военныхъ возстаній была всегда одна—денежныя выгоды, чины и почести для побѣдившихъ заговорщиковъ. Все это было вмѣшательство военныхъ въ политику — но не въ интересахъ какой нибудь *партіи*, какого-нибудь *класса*, ужъ не говоря, всего народа, а въ интересахъ кучки самихъ заговорщиковъ, да той шайки высокопоставленныхъ лицъ, которымъ надо было пробраться къ престолу.

Въ первую половину 19 вѣка мы уже встрѣчаемся съ политическимъ выступленіемъ военныхъ совсѣмъ въ иномъ родѣ. Въ 1825 году цѣлый рядъ гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ съ нѣсколькими полками солдатъ пытаются произвести государственный переворотъ, чтобы убрать съ престола только что возсѣвшаго Николая I и замѣнить самодержавную монархію *конституціонной*. Это были первые борцы за политическую свободу въ Россіи. Они подняли знамя свободы въ то время, когда крестьянство, изнывавшее подъ крѣпостнымъ игомъ, спало еще глубокимъ сномъ; когда образованное дворянство, недовольное свирѣпымъ самодержавіемъ, боялось пойти противъ него, чтобы Россія, вмѣстѣ съ свободой отъ самодержавія, не увидала свободы крестьянъ отъ ихъ помѣщичьей неволи. Никѣмъ не поддержанные, пали декабристы: пять висѣлицъ для вождей, сотня сосланныхъ на каторгу, нѣсколько сотъ убитыхъ въ бою и до смерти засѣченныхъ на плахѣ солдатъ—такова была цѣна этого перваго политическаго дѣйствія, начатого военными не для своей корысти, а для блага родины.

Прошло почти 40 лѣтъ. Пало царство крѣпостного безправія, пало подъ ударами внѣшнихъ враговъ Россійскаго царя — англичанъ, турокъ и французовъ. Какъ теперь подъ ударами Японіи расшатывается царство самодержавной неволи, такъ Крымская война расшатала Николаевскіе порядки. Духъ свободы не оставилъ въ покоѣ и офицерство. И когда самодержавіе, полуосвободивъ крѣпостныхъ крестьянъ, отказалось идти дальше по пути свободы, многіе офицеры вошли въ тайныя политическія общества, чтобы готовить бунты и заговоры противъ самодержавія. Немного удалось имъ сдѣлать, но, когда въ Польшѣ поднялось возстаніе, нѣсколько десятковъ русскихъ офицеровъ перешли къ революціонной польской арміи и сражались съ царскими войсками подъ знаменемъ, на которомъ поляки написали: за свободу нашу и вашу! И опять висѣлицы, разстрѣлы, каторга были удѣломъ героевъ революціи.

Еще 20 лѣтъ прошло. Самодержавіе все еще грязнило и позорило русскую землю, все еще желѣзнымъ кольцомъ душило

народную жизнь. И все еще спалъ великанъ народъ, покорный отвѣтчикъ за всѣ злодѣянія царскаго правительства. Но передъ царемъ стояли уже не одни образованные и имущіе классы, всегда недовольные, всегда готовые желать другого порядка и никогда не способные серьезно бороться за перестройку русскаго государства; рядомъ съ этими классами, сталъ новый врагъ: болѣе грозный, болѣе честный, болѣе смѣлый... То была интеллигенція, большей частью вышедшая изъ бѣдной части народа. Она возстала на самодержавіе и когда убѣдилась, что народная масса за нею не идетъ, попыталась свалить врага вооруженнымъ нападеніемъ въ одиночку — терроромъ. Подъ грохотъ разрывающихся динамитныхъ бомбъ, подъ взрывъ подземныхъ минъ, рѣшался снова вопросъ: быть ли Россіи свободной? Къ революціонной интеллигенціи — къ партіи „Народной Воли" — примкнули лучшіе офицеры. Они приняли участіе въ заговорахъ народовольцевъ, они доставляли имъ оружіе, динамитъ, сами участвовали въ покушеніяхъ. Когда убійствомъ Александра II не удалось свалить царскій престолъ, революціонные офицеры попытались тогда снова вернуться на путь военнаго заговора. Но для успѣха этого дѣла, не было подходящихъ условій: большинство офицеровъ не сочувствовало свободѣ; состоя изъ худшихъ выродковъ дворянства, оно не желало никакихъ перемѣнъ въ существующемъ порядкѣ обирательства народа. А солдаты спали тѣмъ же сномъ, какимъ спали тогда крестьяне и рабочіе. Солдаты — плоть отъ плоти крестьянъ и пролетаріевъ. Въ годы, когда крестьянство и пролетаріатъ еще не поднимались на борьбу за свои интересы, нельзя было поднять на политическую борьбу и солдатскую массу.

И опять разстрѣлы, опять висѣлицы, Сибирь, Шлиссельбургъ — для офицеровъ-революціонеровъ.

А затѣмъ — темная ночь проклятаго царствованія мучителя Россіи Александра III. Палачъ народа всѣ усилія приложилъ, чтобы выбить послѣднюю мысль, послѣднюю совѣсть изъ военнаго сословія. Военныя училища стали мѣстомъ спеціальнаго развращенія военной молодежи, питомникомъ будущихъ офицеровъ — зубодробителей, офицеровъ, обворовывающихъ солдатъ и разбойничающихъ надъ мирными жителями. Вырождающееся дворянство все меньше и меньше поставляло офицеровъ, способныхъ увлечься идеей свободы.

Александръ III умеръ. Ночная мгла, казалось, еще болѣе сгустилась. Но вотъ въ ночной тьмѣ заблистали огоньки. Въ вихрѣ искръ, вылетавшихъ изъ фабричныхъ и заводскихъ трубъ, Россія увидѣла первый проблескъ утра. Впервые народное движеніе начиналось въ Россіи во имя свободы. Все сильнѣе прорѣзывали ночной сумракъ лучи революціонной борьбы пролетаріата, прошли они и сквозь казарменныя стѣны. Армія зашевелилась. Палачи Россіи заставили солдатъ выполнять черную работу палача — разстрѣливать возстающій народъ. Но этимъ они только ускорили часъ пробужденія арміи. Войско перестало быть надежной опорой царскаго трона.

Но дѣло свободы на этотъ разъ нашло себѣ военныхъ друзей уже не среди офицерства. Прошла пора, когда изъ нѣдръ дворянства возникали освободительныя движенія, когда оно заражало собою и военныхъ представителей дворянства — офи-

деровъ. Теперь освободительное движеніе выросло изъ классовой борьбы пролетаріата и въ казарму проникло оно, какъ движеніе солдатъ. Солдатъ-пролетарій, солдатъ-бѣднякъ откликнулся на призывъ брата-пролетарія. „Политика“ вторглась въ казарму, и десятки солдатъ и матросовъ стали ежегодно проходить передъ военными и другими судами, какъ обвиняемые въ „государственныхъ преступленіяхъ“.

Такъ дѣло народнаго освобожденія нашло себѣ вооруженныхъ защитниковъ. И когда бѣдствія войны стремительнымъ вихремъ пронесли по всей Россіи духъ возмущенья, революціонные солдаты почувствовали подъ собой твердую почву и все больше проникаются они мыслью, что имъ—„оплоту самодержавія“ — надо первымъ поднять знамя открытаго вооруженнаго возстанія (смотри письмо матроса-соціальдемократа въ „Искрѣ“. № 103.)

Въ концѣ апрѣля соціаль-демократическая организація солдатъ въ пѣхотныхъ полкахъ г. Новой Александріи пытались начать возстаніе. Попытка не удалась. Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца новая попытка возстанія начата экипажемъ „князя Потемкина“. Дѣло революціи пріобрѣтаетъ вооруженную силу, которой до сихъ поръ ему не доставало.

* * *

Побѣдить самодержавіе, завоевать народу свободу, нельзя безъ вооруженной силы. Только насиліемъ можетъ быть разразрушено царство бездушной грубой силы. До сихъ поръ русская революція была побѣждаема, потому что ея врагъ располагалъ войскомъ. Теперь часть военныхъ силъ готова идти къ народу. Это значитъ — близка побѣда. Это значитъ также: надо рабочему классу умѣть пользоваться той вооруженной силой, которая готова къ нему присоединиться.

Въ наше время народъ собственными силами не можетъ справиться въ открытомъ бою съ правительствомъ, опирающимся на пушки и ружья. Народъ безъ поддержки революціонныхъ солдатъ не одолѣетъ самодержавіе. Но и революціонные солдаты безъ поддержки народной массы не справятся съ самодержавіемъ, которое всегда будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи и денежные средства, и военные запасы, и готовыхъ стрѣлять, несознательныхъ солдатъ. Поэтому еще революціонное войско не должно подыматься тамъ, гдѣ народъ не готовъ къ борьбѣ — такое возстаніе непремѣнно будетъ раздавлено самодержавіемъ. Дѣло солдатъ — революціонеровъ — поддержать народное движеніе, дать ему свою силу, помочь народу вооружиться, повести его въ наступленіе противъ военныхъ силъ, оставшихся за правительствомъ.

Солдаты Ново-Александрійскаго гарнизона это поняли. Подготовляя свое возстаніе, они звали ближнихъ крестьянъ идти въ городъ къ нимъ на подмогу. Еще лучше поняли это матросы-соціальдемократы „Потемкина“. Овладѣвъ судномъ, они направились въ Одессу, гдѣ уже шелъ бой рабочихъ съ войсками, они поддержали стачку рабочихъ и объявили горожанамъ, что зовутъ всѣхъ къ борьбѣ за народное дѣло.

Если приходъ въ Одессу „Потемкина“ не привелъ къ взятію города рабочими, то только потому, что одесскіе солдаты не

перешли тотчасъ же на сторону народа, матросы же, владѣя только однимъ крупнымъ судномъ, не могли удѣлить свои силы для борьбы на сушѣ.

Отчего же не перешли къ народу одесскіе солдаты, которые, какъ это свидѣтельствуютъ очевидцы событій, сильно сочувствовали матросамъ и рабочимъ? Отчего они, сами стрѣляя поверхъ головъ, смотрѣли спокойно, какъ звѣри въ мундирахъ разстрѣливали картечью безоружныхъ рабочихъ? Не оттого ли, что сознательные солдаты, застигнутые врасплохъ появленіемъ броненосца на сторонѣ рабочихъ, растерялись и не знали, что имъ теперь слѣдуетъ дѣлать?

А, между тѣмъ, ясно, что слѣдовало кликнуть кличъ: идемъ къ матросамъ; увлечь за собой сочувствіе части гарнизона, захватить оружіе, отдать его рабочимъ и, подъ прикрытіемъ грозныхъ пушекъ „Потемкина", выбивать изъ города царскія власти. Надо было помочь рабочимъ и матросамъ взять Одессу. Укрѣпившись въ одномъ городѣ, провозгласивъ въ немъ низверженіе царской власти, и учрежденіе республики, звать присоединиться окрестныя мѣстности, разносить далѣе и далѣе пожаръ революціи, и вызывать на открытый, вооруженный бой растерявшееся царское правительство. Надо было поддержать починъ, сдѣланный матросами. И какъ взятіе одного броненосца оказалось достаточно, чтобъ разстроить весь царскій флотъ, такъ и возстанія одного-двухъ полковъ, приставшихъ къ стотысячной арміи рабочихъ, было бы, можетъ быть, довольно, чтобы разстроить царскую армію. Матросы севастопольской эскадры отказались стрѣлять въ „Потемкина". Много ли полковъ согласилось бы стрѣлять въ первый полкъ, ставшій на сторону народа?

Ковать желѣзо надо, пока оно горячо — вотъ, что слѣдуетъ хорошо запомнить всѣмъ организованнымъ соціальдемократамъ-солдатамъ, которые насчитываются теперь уже тысячами и которые знаютъ, что имъ сочувствуютъ многія и многія тысячи не входящихъ въ кружки солдатъ.

Дѣло рискованное, конечно,—такой починъ. Легко, ничего не добившись, голову снести. Но это только значитъ, что зря такъ дѣйствовать не приходится, что надо умѣть выбрать минуту, надо хотя бы наскоро, организовать, подготовить первый шагъ. Не начинать, когда кругомъ все тихо, когда приходится разсчитывать только на свои силы. Дѣйствовать, когда кругомъ кипитъ, когда народу для побѣды нужна только вооруженная сила.

Въ борьбѣ за свободу соціалистъ-солдатъ занимаетъ почетный, но и опасный постъ. Въ его рукахъ оружіе, безъ котораго народъ не можетъ побѣдить, и за всякую неудавшуюся попытку дать народу оружіе солдатъ рискуетъ своей жизнью. Конечно, такъ. Но развѣ не видятъ всѣ и каждый, что близится минута, когда поставить свою жизнь на карту долженъ будетъ всякій, не желающій умереть смертью безвольнаго, жалкаго раба подъ пятой издыхающаго самодержавія? Кто взялъ въ свои руки мечъ революціи, того всегда ждетъ грозная кара врага свободы, если онъ еще разъ воспрянетъ, если еще разъ раздавитъ освободительное движеніе. Дайте только царю выйти изъ теперешняго отчаяннаго положенія, дайте только затрав-

женному звѣрю почувствовать себя снова въ силахъ мстить народу — и онъ висѣлицами и разстрѣлами прежде всего станетъ „очищать" казарму отъ ненавистной „крамолы"! Свобода или смерть! — говоритъ теперь всему народу русская дѣйствительность. Къ свободѣ, хотя бы черезъ смерть! — долженъ быть лозунгъ каждаго солдата-революціонера.

Нельзя, какъ нѣкоторые думаютъ, ждать съ возстаніемъ, пока мы всѣ, разсѣянные по разнымъ угламъ Россіи, по фабрикамъ, селамъ и казармамъ, такъ точно и аккуратно сговорились, чтобы всѣмъ двинуть разомъ, по одному сигналу, навѣрняка, безъ всякаго риска. Такого всероссійскаго сговора уже потому никогда не дождаться, что наша подпольная работа слишкомъ медленно дѣлаетъ свое дѣло, въ то время какъ съ бурной стремительностью двигается духъ возмущенія, охватывая широкія массы и толкая ихъ на открытый протестъ, послѣ котораго не всегда возможно отступленіе. Наши товарищи военно-революціонной организаціи въ Н.-Александріи пытались удержать солдатскія массы отъ выступленія, пока условія будутъ болѣе благопріятны. Но полкамъ грозила немедленная отправка на войну, передъ ними были лишь два выхода: или подняться сейчасъ же, или дать себя истребить въ Манджуріи японскимъ пулямъ? Товарищи-матросы изъ организаціи Крымскаго Союза также хотѣли ждать болѣе благопріятной минуты, чтобы брать корабли и идти соединяться съ пролетаріатомъ: они хотѣли ждать, пока матроская организація станетъ еще сильнѣе и сможетъ бить навѣрняка. Но волнующаяся матроская масса не ждала и, при первой вѣсти объ одесскихъ баррикадахъ, дала выходъ своему возмущенію командирами и овладѣла кораблемъ. И честь и слава нашимъ товарищамъ-соціальдемократамъ, бывшимъ на „Потемкинѣ", что они не растерялись, а, ставъ во главѣ поднявшагося экипажа, повели броненосецъ подъ краснымъ флагомъ на помощь одесскому пролетаріату. Потому что, если эта попытка и будетъ затоплена въ крови революціонныхъ матросовъ, то отъ нея останется глубокій слѣдъ, такъ какъ уже и теперь она дала толчокъ громадному движенію въ разныхъ концахъ Россіи.

Въ старые времена, войско участвовало въ политической борьбѣ, устраивая *заговоры*. Когда все кругомъ тихо, когда надѣяться надо только на силы своего подобраннаго заранѣе кружка, когда всѣ эти силы на учетѣ, то нетрудно подготовить нападеніе такъ, чтобы по данному сигналу начать боевыя дѣйствія. Офицеры-революціонеры такъ и дѣлали. Но теперь все кругомъ бурлитъ, теперь сама военная организація не думаетъ ничего добиться безъ народа, теперь она готовится къ революціи не тѣмъ только, что привлекаетъ новыхъ членовъ, а всего больше тѣмъ, что *кругомъ себя*, путемъ *массовой агитаціи*, сѣетъ среди солдатъ революціонное возмущеніе; словомъ, теперь она не заговоры устраиваетъ для вторженія во дворецъ, а готовится къ открытому нападенію въ рядахъ народа, Поэтому, теперь каждый успѣхъ военной организаціи въ ея работѣ питаетъ кругомъ нея, среди массы солдатъ, жажду протеста, и рано или поздно, этой массѣ необходимо будетъ броситься въ открытую борьбу, какъ это бываетъ

люціонная организація должна дѣйствовать. Тутъ то каждый кружокъ солдатъ-соціальдемократовъ обязанъ, не дожидаясь сигнала сверху и озаботившись лишь о поддержкѣ со стороны другихъ организацій, на свой страхъ вмѣшаться въ борьбу, увлекая за собой нерѣшительныхъ, разсчитывая не на тѣ лишь силы, которыя входятъ въ организацію, а на всѣ тѣ, которыя бросило въ лагерь революціи царское насиліе, которыя готовы будутъ поддержать смѣлый починъ.

Готовьтесь же, товарищи-военные, къ рѣшительнымъ и достойнымъ вашего знамени революціоннымъ дѣйствіямъ въ каждый моментъ, когда ваша помощь понадобится возставшей массѣ, когда ваше выступленіе сможетъ дать ей нужное ей оружіе!

Вы-же, сознательные рабочіе, больше прежняго связывайте себя съ казармами, усиленнѣе, чѣмъ когда либо, заводите связи съ солдатской массой, при каждомъ своемъ выступленіи братайтесь съ нею, просвѣщайте ее, призывайте ее въ свои ряды!

Въ рядахъ революціоннаго пролетаріата, войско освободитъ себя отъ тяготѣющаго надъ нимъ гнета. Въ союзѣ съ пролетаріатомъ, оно завоюетъ Россіи республику, ту республику, которая распуститъ постоянную армію, замѣнитъ ее вооруженіемъ всего народа и тѣмъ самымъ уничтожитъ весь казарменный строй, душащій солдатъ и толкающій его къ борьбѣ.

Заявленія матросовъ „Потемкина“.

КО ВСЕМУ ЦИВИЛИЗОВАННОМУ МІРУ.

Граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ! Передъ вашими глазами происходитъ грандіозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русскій народъ не вынесъ вѣкового гнета и своеволія деспотическаго самодержавія.

Разореніе, нищета и безправіе, до котораго русское правительство довело многострадальную Россію, переполнили чашу терпѣнія трудящихся массъ. По всѣмъ городамъ и селамъ вспыхнулъ уже пожаръ народнаго возмущенія и негодованія. Могучій крикъ многомилліонной русской груди — долой рабскія цѣпи деспотизма и да здравствуетъ свобода! — какъ громъ, раскатился по всей необъятной Россіи.

Но царское правительство рѣшило, что лучше утопить страну въ народной крови, чѣмъ дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженныхъ борцовъ полилась цѣлыми потоками по всей родинѣ.

Однако, обезумѣвшее самодержавіе забыло одно, что темная и забитая армія — это сильное орудіе его кровавыхъ замысловъ — есть тотъ же самый народъ, есть тѣ же самые сыны трудящихся массъ, которыя рѣшили добиваться свободы. И армія рано или поздно пойметъ это и сброситъ, наконецъ, съ себя позорное пятно палачей своихъ же отцовъ и братьевъ. И вотъ мы, команда эскадреннаго броненосца „Потемкинъ Таврическій“, рѣшительно и единодушно дѣлаемъ этотъ первый великій шагъ. Пусть всѣ тѣ братскія жертвы рабочихъ и крестьянъ, которыя пали отъ солдатскихъ пуль и штыковъ на улицахъ и поляхъ нашей родины, снимутъ съ насъ свое проклятіе, какъ съ ихъ убійцъ.

Нѣтъ, мы не убійцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И нашъ общій девизъ — смерть или свобода для всего русскаго народа! Мы требуемъ непремѣнной пріостановки безсмысленнаго кровопролитія на поляхъ далекой Манджуріи. Мы требуемъ непремѣннаго созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. За эти требованія мы единодушно готовы, вмѣстѣ съ нашимъ броненосцемъ, пасть въ бою, или выиграть побѣду.

Мы глубоко увѣрены, что честные и трудящіеся граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ откликнутся горячимъ сочувствіемъ нашей великой борьбѣ за свободу.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ и миноносца № 267.

КО ВСѢМЪ ЕВРОПЕЙСКИМЪ ДЕРЖАВАМЪ

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ начала рѣшительную борьбу противъ самодержавія. Оповѣщая объ этомъ всѣ европейскія правительства, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что мы гарантируемъ полную неприкосновенность всѣмъ иностраннымъ судамъ, плывущимъ по Черному морю и всѣмъ иностраннымъ портамъ здѣсь находящимся.

Команда эскадрен. броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“.

ЭПИЗОДЪ 14-го ІЮНЯ НА ЭСКАДРЕННОМЪ БРОНЕНОСЦѢ „КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ ТАВРИЧЕСКІЙ".

Описан. мин.-машин. кватирмейст. 1-ой ст. Афанасіемъ Матющенкомъ[1]).

(Изъ № 105 „Искры".)

Втеченіе послѣднихъ $4^1/_2$ лѣтъ въ Сэвастополѣ образовался свой соціальдемократическій кружокъ, который имѣлъ сношенія со всѣми западными товарищами — такъ что у насъ были свои опредѣленные планы. Когда эскадра начнетъ кампанію 1905 г. и пойдетъ на Тендровскій полуостровъ, то на извѣстномъ кораблѣ зажгутъ ракету, тогда команда должна забрать винтовки и съ крикомъ: „Да здравствуетъ свобода!" кинуться по каютамъ, подлыхъ офицеровъ перебить, а хорошихъ высадить на берегъ; самимъ же сняться всей эскадрой съ якоря и идти въ Одессу. Въ Одессѣ требовать превращенія арміи въ національную гвардію, поставить народное правленіе, выпустить всѣхъ политическихъ, которые есть въ г. Одессѣ. И такъ мы хотѣли пройти кругомъ все Черное море. Но этому помѣшалъ случай, который я передамъ достовѣрно.

Это было 14-го іюня 1905 г. на броненесцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій" въ Тендровскомъ заливѣ около 12 ч. дня. 13-го іюня миноносецъ № 267 пошелъ въ Одессу за провизіей на 14-е іюня; пошелъ около часу дня.

Часовъ въ 10 вечера 13-го іюня миноносецъ пришелъ изъ Одессы на Тендровскій полуостровъ. Забрали провизію на корабль: хлѣбъ положили въ обыкновенное мѣсто, капусту и картошку положили въ камбузъ. Такъ какъ уже было $10^1/_2$ ч. вечера, то для чистки картошки взяли все вахтенное отдѣленіе, которое и почистило ее до смѣны съ вахты; а мясо повѣсили на спардекѣ съ лѣвой стороны на крючкахъ. Въ пять часовъ утра побудили команду. Команда, какъ и всегда, помылась, отпѣла утреннюю молитву, позавтракала, начала скатывать палубу на всемъ кораблѣ. Кто то изъ команды замѣтилъ въ мясѣ червей. Одинъ по другому, команда узнала, что мясо съ червями; начали возлѣ мяса толпиться; послышался ропотъ, что офицеры подлецы, что не хотятъ обращать вниманіе на пищу команды, что надо позвать доктора, — пусть выброситъ это мясо за бортъ. Командиръ услыхалъ, что команда волнуется, позвалъ доктора, титулярнаго совѣтника Смирнова, который незамедля пришелъ на спардекъ къ этому мясу, одѣлъ очки, чтобы лучше было видно червей, покрутилъ его предъ носомъ, понюхалъ и говоритъ: „мясо очень хорошее; команда — говоритъ, балована и потому не хочетъ кушать. Надо — говоритъ — только червей смыть, водой и мясо будетъ отличное". Такое заключеніе вывелъ докторъ Смирновъ. Командиръ судна, капитанъ 1-го ранга Евгеній Голиковъ, приказалъ поставить возлѣ мяса дневальнаго, дать ему карандашъ и бумагу, чтобы онъ записывалъ всѣхъ, кто придетъ смотрѣть на мясо, и потомъ доложилъ бы командиру. Команда, хорошо зная

нравъ и взгляды командира, боялась подходить къ мясу. Слышно было, какъ команда говорила: „какъ теперь служить, какъ воевать, когда въ Японіи плѣннымъ лучше живется, чѣмъ намъ? надо утекать къ японцамъ“. Кто то изъ кондукторовъ сказалъ, что въ Портъ-Артурѣ команда кушала собакъ, „а вамъ, молъ, мясо не хорошо“. До обѣда команда была встревожена. Въ $10^1/_2$ часовъ дня свиститъ дудка: „Вино достать, пробу“. Достали вино и пробу для командира. Не знаю точно, кушалъ ее командиръ или нѣтъ, но я видѣлъ самъ, что вахтенный офицеръ, прапорщикъ запаса Ливенцовъ, кушалъ борщъ возлѣ лѣваго трапа; возлѣ проходилъ старшій офицеръ корабля, капитанъ 2-го ранга Ипполитъ Гиляровскій: „Ну, что? какъ борщъ?“ Прапорщикъ Ливенцовъ сказалъ, что борщъ чудный. „Я бы съ удовольствіемъ его кушалъ, но, къ сожалѣнію, глотка болитъ“. Точный разговоръ.

Дудка свиститъ къ вину и обѣдать. Команда, которая пьетъ вино, пошла на шханцы пить его, а изъ остальной команды каждый взялъ кружку, взялъ кусокъ хлѣба, мочитъ хлѣбъ въ водѣ и кушаетъ, а баки съ борщемъ никто не беретъ; всѣ почти стоятъ по обѣимъ сторонамъ камбуза поближе къ водѣ. Заходитъ въ камбузъ Гиляровскій и спрашиваетъ кока Ивана Данилюка: „Ты почему не даешь командѣ обѣдать?“. Данилюкъ отвѣчаетъ: „Команда не хочетъ кушать борщу, а проситъ, чтобы сварить чаю и чтобы дали масла“. Въ это время входитъ командиръ Голиковъ и спрашиваетъ: “Въ чемъ дѣло?“ Гиляровскій отвѣчаетъ: „Команда не хочетъ обѣдать этого борщу“. Командиръ спрашиваетъ: „ребята, отчего вы не кушаете борщу?“ Въ толпѣ матросовъ отвѣчаютъ: „Кушай самъ, а мы будемъ кушать воду и хлѣбъ“. Голиковъ приказалъ бить сборъ. Забили тревогу. Команда — всѣ, какъ одинъ человѣкъ — пошла на ютъ и стала во фронтъ. Вышелъ старшій офицеръ, потомъ вышелъ командиръ; скомандовали: „смирно“. Командиръ сталъ на буксирный кнехтъ и обратился къ командѣ съ такой рѣчью: „я неоднократно говорилъ, что такіе безпорядки на военномъ кораблѣ недопустимы: за это вѣшаютъ вашего брата вонъ тамъ“, — при этомъ онъ показалъ на шокъ. „Ребята, кто хочетъ кушать борщъ, выйди сюда!“ Боцманы и нѣкоторые унтерофицеры вышли и стали по траверзу корабля. Командиръ, видя, что команда стоитъ на мѣстѣ, скомандовалъ: „караулъ наверхъ“. Черезъ минуту караулъ сталъ на мѣсто. Команда струсила и вся перешла въ кучу къ башнѣ. Старшій офицеръ, видя, что команда туда перебѣгаетъ, кричитъ: „Довольно!“ — и, вмѣстѣ съ вахтеннымъ офицеромъ, не пустилъ смѣшаться съ остальной командой и приказалъ караулу оцѣпить оставшуюся часть команды и переписать. Команда стояла блѣдная и страшно напряженная, видя своихъ товарищей оцѣпленными карауломъ. Старшій офицеръ кричитъ: „Боцманъ, давай брезентъ!“ Это для того, чтобы накрыть команду брезентомъ и по ней стрѣлять. Тутъ раздается крикъ: „Братцы, что они дѣлаютъ съ нашими товарищами? Забирай винтовки и патроны! Бей ихъ, хамовъ!“ Это сказалъ матросъ X. Тутъ только этого и надо было: команда вся бросилась въ баттарейную палубу, забрала винтовки; но патроновъ не было. Подняли крикъ: „Давай скорѣе патроновъ!“ Нашли патроны, зарядили

ружья и идутъ обратно на ютъ освобождать товарищей. По траверзу судна стоялъ судовой караулъ и три офицера—командиръ Голиковъ, старшій офицеръ Гиляровскій и старшій артиллеристъ Неупокоевъ. Командиръ спрашиваетъ: „Кто тамъ команду бунтуетъ?“ Гиляровскій отвѣчаетъ: „Это — я знаю — сволочь Х.“ А въ баттареѣ гремитъ могучее „ура“ „Да здравствуетъ свобода“! „Долой войну!“ „Долой самодержавіе!“ Въ это время командиръ говоритъ матросу Х.: „Что тебѣ нужно? Поставь ружье!“ Матросъ Х. отвѣчаетъ: „Я брошу тогда ружье, когда я буду не живымъ существомъ, а трупомъ. Уходи съ корабля, — это корабль народа, а не твой!“ Командиръ куда-то ушелъ, не знаю. Въ это время матросу Х. и Вакулинчуку (а не Омельчуку, какъ это писалось во многихъ газетахъ) дали патроновъ. Гиляровскій и Неупокоевъ, видя, что Вакулинчукъ и Х. зарядили ружья, побѣжали на ютъ, гдѣ стоялъ часовой у флага. Матросъ Х. побѣжалъ за Неупокоевымъ и на бѣгу почти выстрѣлилъ въ Неупокоева, который упалъ съ прострѣленной головой за адмиральскій броневой люкъ.

Матросъ Х. бросилъ винтовку, взялъ Неупокоева за ноги и выбросилъ за бортъ; потомъ схватилъ винтовку и побѣжалъ искать Гиляровскаго. Забѣжалъ въ башню, тамъ стоитъ Гиляровскій съ винтовкой и лежитъ Вакуленчукъ, обливаясь кровью. Х. далъ по Гиляровскому выстрѣлъ, но получилась осѣчка или промахъ. Тѣмъ временемъ Гиляровскій стрѣляетъ по Х., а самъ кругомъ башни убѣжалъ. Матросъ Х. бѣжитъ за нимъ. Гиляровскій кричитъ часовому: „Бей его!“ Часовой бросаетъ ружье, а самъ убѣгаетъ въ баттарейную палубу. Гиляровскій хватаетъ ружье и стрѣляетъ по часовому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, падаетъ на бокъ. Видя стрѣлявшаго въ него матроса Х., кричитъ: „я тебя знаю, подлецъ; ты теперь пойдешь на берегъ; я тебѣ задамъ!“ Матросъ Х. отвѣчаетъ: „я теперь тебя самого пошлю юнгой къ Макарову!“ При этихъ словахъ Гиляровскій летитъ за бортъ. Въ этотъ моментъ представилась ужасная и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественная картина: 800 человѣкъ кричатъ: „Смерть тиранамъ! Да здравствуетъ свобода!“ Залпы трещатъ по уплывающимъ офицерамъ, которые плыли на миноносцѣ № 267.

Въ это время выходитъ минный офицеръ лейтенантъ Вильгельмъ Тонъ. Команда закричала: „За бортъ его!“ Онъ, увидя матроса Х., говоритъ ему: „я хочу съ тобой переговорить“. Матросъ проситъ команду отойти и самъ отходитъ съ Тономъ къ башнѣ. Тотъ выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ въ Х. Пуля прошла мимо Х. и попала въ руку близъ стоявшаго матроса. Другая пуля сдѣлала царапину у праваго виска Х. Тогда этотъ послѣдній стрѣляетъ въ Тона, и онъ падаетъ на палубу. Въ него дали залпъ еще человѣкъ десять, и Тонъ сталъ бездыханнымъ трупомъ. „За бортъ его!“ — закричала команда, и Тонъ пошелъ за бортъ. Команда закричала матросу Х.: „Командиръ здѣсь. Давай его сюда!“ Командиръ былъ въ адмиральскомъ помѣщеніи и навѣрно хотѣлъ броситься за бортъ, но, видя безполезность такой попытки, вышелъ на палубу, имѣя на себѣ только китель. Всходя по трапу на палубу, онъ говорилъ: „Ахъ, я, старый дуракъ, что я съ командой сдѣлалъ“. Вышелъ на верхнюю палубу, обхватилъ Х. и говоритъ: „Великій я грѣшникъ передъ командой, — прости, братецъ!“

„Я лично противъ тебя ничего не имѣю, какъ команда" — отвѣтилъ Х. Команда закричала: „На шокъ его, подлеца: онъ насъ шокомъ пугалъ!" Другіе кричали: „Долго возиться, — пулю въ лобъ!". Его повели дальше на ютъ, и тутъ раздался залпъ. Командира не стало. Его тоже выбросили за бортъ. Въ это время доплывшіе до миноносца офицеры снялись съ якоря и хотѣли уйти въ Севастополь. Х. приказалъ зарядить 47. m/m пушку и дать выстрѣлъ по миноносцу. Послѣ выстрѣла миноносецъ 267 подошелъ къ борту „Потемкина". Съ него сняли 3-хъ офицеровъ: командира миноносца, лейтенанта Клодта, ревизора броненосца „Потемкинъ", мичмана Макарова и мичмана Вахтина, у котораго оказалась пробитой голова. Команда кричала: „Смерть Макарову!" „За бортъ ихъ всѣхъ!". Но тутъ вмѣшались истинные борцы за народъ и свободу и сказали: „Довольно крови! Теперь корабль въ нашихъ рукахъ; эти твари намъ не опасны. Давайте соды, — скатить палубу". Команда поставила винтовки въ пирамиды, принесли соды и начали скатывать палубу. Въ это время къ матросу Х. приводятъ младшаго доктора Голенко, котораго нашелъ минный машинистъ Кулишевъ подъ цистернами. „Куда его, чорта, дѣть?" спрашиваютъ — „Подъ арестъ его въ каютъ-кампанію!" Черезъ 10 минутъ опять ведутъ полковника изъ Обуховскаго завода, который пріѣхалъ сюда для артиллерійскихъ испытаній. — „Гдѣ вы его взяли?" — „Въ гардеробномъ ящикѣ. Насилу оттуда его вытащили!" — Арестовали и этого. Потомъ выходитъ прапорщикъ Алексѣевъ и говоритъ: „Братцы, не бейте меня, — я вѣдь такой же матросъ, какъ и вы!" Команда закричала: „Тебя никто не убьетъ, если ты насъ приведешь въ Одессу!". Потомъ замѣтили еще двухъ офицеровъ, которые были на щитѣ для стрѣльбы, находившемся въ разстояніи кабельтова отъ корабля. Тамъ были инженеръ-механикъ Александръ Коваленко и вольный инженеръ изъ Николаевскаго завода Александръ Харкевичъ. Когда команда увидала Коваленко, то она, особенно машинная команда, просила не трогать его, потому что онъ хорошій человѣкъ. Но все таки всѣхъ арестовали. Потомъ гдѣ-то нашли инженеръ-механика Назарова и инженеръ-механика Калюжнаго. Всего арестованы были: мичманы Макаровъ и Вахтинъ, инж.-мех. Заушкевичъ, Назаровъ и Калюжный, докторъ Голенко, инженеръ-механикъ подполковникъ Цвѣтковъ, полковникъ изъ Обуховскаго завода, вольный инженеръ изъ Николаевскаго завода Харкевичъ, прапорщики Ястребцовъ и Алексѣевъ, лейтенантъ Клодтъ и инженеръ-механикъ Коваленко. Приходитъ вѣстовой Вейнбергъ и говоритъ Х., что старшій врачъ Смирновъ застрѣлился. Пошли къ нему. Онъ проситъ: „дайте, братцы, умереть спокойно" — „А чего же ты, хамъ, говорилъ, что мясо хорошее?" — „Братцы, я, умирая, говорю, что я хорошо все видѣлъ, но я не имѣлъ права говорить". Еще узнали, что лейтенантъ Григорьевъ изъ Обуховскаго завода былъ убитъ въ то время, какъ выбросился за бортъ.

После этого машинная команда пошла разводить пары и готовить машины, а строевая команда приготовляла корабль по боевому на случай встрѣчи съ эскадрой. Когда все было готово, снялись съ якоря и пошли въ Одессу. Дорогой команда выбрала изъ своей среды коммиссію, которой и ввѣрили управленіе судномъ,

„Красный флотъ"[1]

То, что произошло нѣсколько дней тому назадъ на Черномъ морѣ, потрясло не только всю Россію, но и переполошило весь цивилизованный міръ. Кажется, не было такой газеты во всей Западной Европѣ, которая не обсуждала бы такъ или иначе событій, вызванныхъ къ жизни революціоннымъ поведеніемъ русскаго броненосца „Князь Потемкинъ". По истинѣ случай въ революціонной исторіи, не только Россіи, но и другихъ странъ, безпримѣрный. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ той громадной кучѣ лжи и правды, фактовъ и вымысловъ, которыми была переполнена какъ русская, такъ и иностранная пресса. Однако, истина прежде всего, а поэтому я, какъ очевидецъ и пережившій самъ всѣ перипетіи двѣнадцатидневной революціонной эпопеи „Князя Потемкина", считаю своимъ долгомъ правдиво и сжато передать все то, что происходило передъ моими глазами

Какъ извѣстно, „Потемкинъ", расправившись со своими офицерами на Тендрѣ, 14 мая вечеромъ прибылъ на Одесскій рейдъ. Описывать картину расправы матросовъ со своими непосредственными тиранами не буду, такъ какъ думаю, что это лучше выполнитъ какой-нибудь другой товарищъ, присутствовавшій при этомъ. Скажу только кратко, что изъ всего офицерскаго состава были убиты 7 человѣкъ (командиръ *Голиковъ*, старшій офицеръ *Гиляровскій*, старшій врачъ *Смирновъ*, лейтенантъ *Неупокоевъ*, лейтенантъ *Тоннъ*, прапорщикъ *Ливенцовъ* и поручикъ *Григорьевъ*); всѣ они были выброшены въ море.

Всѣ остальные офицеры были арестованы, и ихъ участь должна была рѣшиться позднѣе. Изъ матросовъ было убито тоже нѣсколько человѣкъ по ошибкѣ, такъ какъ они, перепугавшись всего происходящаго, бросились вплавь къ берегу и ихъ съ судна приняли за офицеровъ и открыли по нимъ ружейный огонь.

Послѣ всего этого, „Потемкинъ" пришелъ въ Одессу и утромъ 15, перенеся на берегъ трупъ любимаго своего товарища Вакулинчука (Омельчукъ не правильно), павшаго первымъ отъ деспотической руки старшаго офицера, выпустилъ печатное извѣщеніе о своей готовности примкнуть къ революціонной борьбѣ одесскаго пролетаріата и встать на его защиту.

Какую сенсацію произвело это извѣщеніе на возставшихъ уже одесскихъ рабочихъ и какія затѣмъ послѣдовали событія въ самомъ городѣ, уже, вѣроятно, сообщено въ нашу печать тамошними товарищами. На самомъ же суднѣ день 15 іюня протекъ слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего, конечно, необходимо было разрѣшать неотложные вопросы самостоятельнаго управленія броненосцемъ. Для этой цѣли были избраны всей командой изъ своей среды человѣкъ 20—25 товарищей, на обязанности которыхъ и лежало, какъ руководство всей дѣятельностью „Потемкина", такъ и уга-

[1]) Изъ № 105 „Искры".

новленіе новыхъ внутреннихъ порядковъ на немъ. Такъ какъ отъ мѣстныхъ одесскихъ соціальдемократическихъ организацій были немедленно посланы представители для объединенія дѣйствій города и броненосца, то городскіе товарищи также были приглашены къ участію въ управляющую коллегію. Сначала ихъ было человѣкъ пять-шесть, но затѣмъ осталось только трое.

Планъ дѣйствій былъ выработанъ таковъ, что необходимо было сначала запастись съѣстными припасами, водой, углемъ и узнать намѣренія остальной эскадры. Послѣднее было въ высшей степени важно, такъ какъ по условію, состоявшемуся еще въ Севастополѣ, большая часть эскадры должна была сдѣлать у себя на суднѣ то же самое и присоединиться къ намъ. Приступать же къ рѣшительнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ намъ однимъ, имѣя врага и съ тыла и съ фронта, было больше, чѣмъ рискованно.

И такъ, рѣшено было наступательныхъ дѣйствій пока не вести. Почти цѣлый день прошелъ, поэтому, въ нагрузкѣ угля и съѣстныхъ припасовъ.

То и дѣло къ намъ подъѣзжали шлюпки съ рабочими, привѣтствовали насъ революціонными возгласами и передавали намъ гостинцы и всякую снѣдь.

Характерно то, что водки не было принято съ берега ни одной бутылки и всѣмъ, привозившимъ ее, заявляли, что теперь надо не водку пить, а свободу завоевывать.

Къ вечеру этого дня вдругъ на горизонтѣ показывается небольшое военное судно, идущее прямо къ намъ. Сначала немножко было насторожились, но потомъ оказалось, что это суденышко безвредное. По приближеніи его, нами былъ отданъ приказъ „стать на якорь" и „Вѣха" остановилась и черезъ нѣсколько минутъ явился къ намъ на шлюпкѣ съ рапортомъ командиръ, но каково его было удивленіе и ужасъ, когда его встрѣтилъ, вмѣсто командира „Потемкина", простой солдатикъ-матросъ и объявилъ ему, что онъ арестуется, и тутъ же стоявшій караулъ арестовалъ его немедленно и отвелъ подъ арестъ въ адмиральское помѣщеніе.

Остальные офицеры были вытребованы также съ „Вѣхи" и тоже подъ карауломъ были отведены въ адмиральскую.

Здѣсь ихъ вкратцѣ ознакомили съ положеніемъ вещей и заявили, что отнынѣ трудъ и потъ народный, суда и корабли, должны служить интересамъ народа, а не противъ него, и что, поэтому, „Вѣху" мы, какъ защитники народа, оставляемъ у себя. Господа же офицеры, какъ наемное слѣпое орудіе народнаго угнетенія, теперь совершенно здѣсь излишни. Послѣ этого съ нихъ были сняты погоны, оружіе, и они были свезены съ миромъ на берегъ, причемъ каждому изъ нихъ было дано по 100 рублей денегъ на дорогу.

„Вѣху" же рѣшено было обратить въ госпитальное судно. Туда были перенесены всѣ больные и раненые и командированъ нами одинъ изъ врачей.

Вся остальная часть дня и вечеръ прошли въ совѣщаніяхъ, установкѣ новыхъ порядковъ и пр. Но на берегу, очевидно, съ нашимъ планомъ не считались и возбужденіе массъ было колоссальное.

Броненосецъ „Князь Потемкинъ-Таврическій“.

Всю ночь мы провели въ страшномъ напряженіи, такъ какъ передъ нами вспыхнула грозная картина пожара всего одесскаго порта. Всю ночь раздавалась неумолкаемая ружейная трескотня и гулъ залповъ. Но какъ и чѣмъ мы могли помочь разстрѣливаемой беззащитной толпѣ рабочихъ, мы не знали. Хотѣли было открыть орудійную пальбу по набережной, но, во-первыхъ, у насъ не были установлены на орудіяхъ соотвѣтствующіе приборы для ночной стрѣльбы, а во-вторыхъ, мы не были увѣрены въ томъ, что на набережной находятся только войска и нѣтъ тамъ народу. Стрѣлять же на угадъ въ городъ мы считали безсмысленнымъ вандализмомъ и боялись невинныхъ жертвъ. Поэтому, мы рѣшили подождать утра, предполагая къ этому времени получить всѣ необходимыя намъ свѣдѣнія.

Еще одинъ знаменательный фактъ имѣлъ мѣсто въ этотъ день. Это прибытіе на наше судно трехъ пѣхотныхъ солдатъ-депутатовъ. Они пріѣхали отъ имени организованной части товарищей своихъ полковъ заявить о своей готовности присоединиться къ намъ, разъ только мы приступимъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и говорили о томъ, что настроеніе въ массахъ войска самое благопріятное. Конечно, вся наша команда ихъ привѣтствовала съ восторгомъ.

Этимъ закончился первый день самостоятельной жизни первой россійской плавающей республики.

Утро слѣдующаго дня началось тѣмъ, что рѣшено было сейчасъ же свезти на берегъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ на нашемъ суднѣ офицеровъ, такъ какъ содержаніе ихъ подъ конвоемъ было для насъ лишь лишней обузой.

Затѣмъ на берегъ отправили 12 человѣкъ товарищей для похоронъ Вакулинчука.

Въ это время къ намъ опять стали подъѣзжать шлюпки изъ города, привозя самыя трагическія извѣстія. Оказалось, что за ночь было убито больше, чѣмъ 600 человѣкъ рабочихъ, и дальнѣйшимъ избіеніямъ не видно было конца.

Какъ только были получены эти свѣдѣнія, то сейчасъ же была созвана для совѣщанія вся команда. Первое время по вопросу о началѣ рѣшительныхъ дѣйствій произошелъ почти полный расколъ. Но съ рѣчью поднялся товарищъ М. Говорилъ онъ не долго, но каждое его слово было какъ бы не звукомъ, а частью его наболѣвшей души, частью народной скорби. Въ заключеніе, обращаясь къ оппозиціи, онъ сказалъ: „вотъ мы, соціальдемократы, здѣсь всѣ передъ вами. Насъ всего человѣкъ 200—300, и мы всѣ, какъ одинъ, рѣшили честно умереть за свободу вмѣстѣ съ нашими братьями-рабочими, чѣмъ позорно качаться въ петляхъ отъ рукъ нашихъ кровопійцъ-палачей.

Если вы не согласны съ нами, если вы считаете насъ разбойниками и преступниками, то возьмите сейчасъ же винтовки и перебейте насъ, какъ собакъ. Послѣ этого вы можете со славой и почетомъ вернуться къ своему прежнему начальству, къ своему отцу и матери.

Васъ наградятъ, васъ встрѣтятъ съ музыкой и почестями".

„Нѣтъ, нѣтъ!!!", раздалось оглушительно изъ сотенъ грудей. „Мы всѣ вмѣстѣ идемъ, мы всѣ вмѣстѣ умремъ за одно дѣло!!"

„Ну, если такъ", продолжалъ М., „то сегодня же начнемъ

бомбардировать городъ и отплатить за рабочихъ всѣмъ озвѣрѣвшимъ тиранамъ".

„Согласны?" — „Согласны", загремѣли всѣ, какъ одинъ.

Послѣ этого рѣшено было приготовиться къ бомбардировкѣ города. Предварительно мы постарались всѣми имѣвшимися у насъ способами извѣстить мирныхъ жителей Одессы о предполагающейся бомбардировкѣ города и указать имъ мѣсто, гдѣ они могли-бы быть въ полной безопасности отъ нашихъ зарядовъ.

Часовъ въ 5 вечера съ нашего броненосца раздались первые пушечные выстрѣлы. Сначала мы дали три холостыхъ, какъ салютъ хоронимому товарищу и какъ предупрежденіе, а затѣмъ начали стрѣлять боевыми изъ 6 дм. орудій.

Заряды наши направлялись въ домъ командующаго войсками и въ театръ, около котораго была расположена артиллерія и войско.

Но, къ нашему огорченію, оба первыхъ заряда сдѣлали перелетъ и не попали въ цѣль. Это страшно насъ всѣхъ огорчило и передъ всѣми нами всталъ призракъ невинно пролитой, можетъ-быть, братской крови нашей же собственной рукой.

Поэтому, мы рѣшили пока пріостановить боевую стрѣльбу. Въ это же время мы неожиданно перехватили по безпроволочному телеграфу извѣстіе, что гдѣ-то не подалеку находится остальная эскадра.

Ввиду всѣхъ этихъ соображеній, рѣшено было пока не продолжать обстрѣлъ города, а послать къ командиру войска трехъ депутатовъ отъ насъ.

Депутаты должны были категорически потребовать прекращенія народнаго избіенія, освобожденія всѣхъ политическихъ изъ тюрьмы и разоруженія войскъ. Однако, командующій войсками не пожелалъ лично разговаривать съ нашими депутатами, а передалъ лишь черезъ своего полковника, что „богъ и люди имъ судья", и что онъ не желаетъ вести никакихъ съ нами разговоровъ.

Съ этимъ наша депутація въ полной неприкосновенности вернулась обратно.

Очевидно, рѣшительныя и наступательныя дѣйствія становились неизбѣжны. Однако, для того, чтобы стрѣльба была-бы хоть сколько нибудь цѣлесообразна и не носила-бы характера огульнаго разрушенія, намъ необходимъ былъ точный и топографическій планъ города, а такого у насъ не было.

Кромѣ того, мы должны были знать, хоть приблизительно, гдѣ и какія части войскъ расположены, а этихъ свѣдѣній мы пока не имѣли. Все это насъ заставляло предварительно выждать болѣе благопріятнаго момента.

Съ этими мыслями мы и провели ночь съ 16 на 17. Утромъ рано показалась далеко - далеко на горизонтѣ эскадра и скрылась. Мы зафрахтовали частный пароходъ и отправили его на развѣдки. Часа черезъ два эскадра вновь показалась на горизонтѣ. Тогда мы быстро снялись съ якоря и въ совершенной боевой готовности, съ рѣшимостью дорого продать свою жизнь, двинулись полнымъ ходомъ на приближающуюся къ намъ эскадру.

Мы вернулись и стали на прежнее мѣсто.

Эта первая наша побѣда сильно подняла духъ всей команды. На лицахъ у всѣхъ было написано торжество и сознаніе своей силы, такъ какъ даже для самыхъ темныхъ изъ команды было ясно, что у эскадры не хватило рѣшимости подойти къ намъ, что эскадра попросту перетрусила и отступила. Команда успокоилась и сѣла обѣдать.

Послѣ обѣда къ вечеру эскадра показалась вновь на горизонтѣ, и, въ составѣ 5 броненосцевъ и цѣлой минной флотиліи, шла на всѣхъ парахъ прямо на насъ съ видимой цѣлью атаковать насъ со всѣхъ сторонъ. Мы, видя, какъ боевая колонна броненосцевъ и миноносокъ приближается къ намъ, дали сейчасъ-же боевую тревогу, снялись съ якоря и стремительно пошли на встрѣчу, готовые принять бой и почетно умереть на благо нашего измученнаго народа. Пушки, мины и все прочее у насъ было готово для самой отчаянной схватки. Грандіозная и величественная картина представилась напряженнымъ взорамъ товарищей на берегу, когда нашъ грозный красавецъ молча врѣзался въ боевую колонну цѣлой эскадры и раздѣлилъ ее на двѣ части. Всѣ мы при этомъ съ крайнимъ напряженіемъ ожидали только перваго выстрѣла въ насъ, чтобы пустить въ ходъ всю нашу страшную истребительную машину на дѣло защиты народной свободы.

Но каково же было наше удивленіе, когда съ трехъ изъ броненосцевъ эскадры, вмѣсто пушечныхъ залповъ, грянуло дружное, оглушительное ура!

Вмигъ часть нашей команды побросала пушки, выскочила на верхъ и отвѣтила не менѣе дружными и восторженными криками.

Мы кричали своимъ товарищамъ матросамъ, чтобы они сейчасъ-же присоединились къ намъ и чтобы всѣ они единодушно стали на сторону угнетаемаго русскаго трудящагося люда и объявили немедленно рѣшительный бой нашимъ вѣковымъ угнетателямъ и тиранамъ.

Въ отвѣтъ раздалось опять дружное „ура“.

Въ это время эскадра прошла къ порту, а мы очутились въ морѣ. Боясь быть отрѣзанными отъ своей базы, мы круто повернули обратно и вновь повели наступленіе на эскадру, которая пришла въ полное замѣшательство и полнымъ ходомъ стала отступать, держа курсъ на Севастополь.

Для насъ было ясно, что на судахъ происходитъ какой-то переполохъ, а поэтому мы, повернувшись въ догонку за эскадрой, выжидательно пошли за ней тихимъ ходомъ.

Вдругъ мы видимъ, что одинъ изъ броненосцевъ сталъ постепенно отставать отъ всей эскадры и потомъ, круто повернувшись, пошелъ къ намъ. Не зная еще его намѣреній, мы, не подпуская его близко къ себѣ, дали ему приказаніе немедленно стать на якорь, что онъ и исполнилъ.

Это былъ „Георгій Побѣдоносецъ“, съ котораго намъ передали сигналами, что вся команда „Георгія“ проситъ прибыть къ себѣ на судно депутатовъ отъ нашихъ товарищей. Депутація была отправлена немедленно подъ охраной нашего миноносца.

При своемъ приближеніи она была встрѣчена восторженными криками. Первымъ на судно взошелъ товарищъ-матросъ М., ко-

торый въ своей краткой, но сильной, рѣчи изложилъ революціонную исторію нашего броненосца, его дальнѣйшія дѣли и намѣренія, призывая въ заключеніе къ солидарности всего флота и къ объединенію для достиженія одной общей цѣли. Оглушительное „согласны“ было отвѣтомъ на его рѣчь.

Вторымъ взошелъ и говорилъ товарищъ Кириллъ, депутатъ отъ Одесской соц.-дем. организаціи.

Обратившись къ товарищамъ матросамъ, онъ заговорилъ о той безпощадной борьбѣ, которая, разливаясь отъ края до края, охватила въ настоящее время пожаромъ возстанія почти всю нашу многострадальную родину.

Измученный, забитый и безправный трудящійся людъ не находитъ больше терпѣнія сносить свое вѣковое униженіе и безправіе. Онъ предпочитаетъ лучше выходить на улицы городовъ и деревень и умирать отъ руки своихъ же сыновей и братьевъ, переодѣтыхъ въ солдатскіе наряды и направляемыхъ на него деспотическими тиранами, истерзавшими своей кровожадностью всю нашу матушку Русь.

Неужели же мы и дальше будемъ слѣпыми палачами самихъ себя, неужели мы никогда честной смертью не смоемъ проклятья, тяготѣющаго надъ нами, какъ братоубійцами?

Нѣтъ, мы, матросы „Потемкина“, рѣшили стряхнуть съ себя это тяжелое ярмо убійцы своего же народа. Мы открыто заявляемъ объ этомъ, и отнынѣ мы не только не прольемъ ни одной капли невинной крови нашихъ братьевъ, но и никому не позволимъ проливать ее безнаказанно...

Взрывъ энтузіазма и буря восторженныхъ криковъ заглушили голосъ товарища.

„Вы, гг. офицеры, продолжалъ тов. Кириллъ, послѣ минутнаго перерыва, обращаясь ко всѣмъ офицерамъ, собравшимся въ волненіи плотной кучкой около рубки,

Вы, — продажные слуги народныхъ тирановъ и слѣпое орудіе ихъ кровавыхъ замысловъ.

Много невинной крови лежитъ на вашей зачерствѣлой совѣсти.

Но теперь пришелъ часъ народнаго суда. Ваша роль сыграна. Вы служили старому порядку деспотическаго самодержавія въ качествѣ наемныхъ холоповъ царя и его сподвижниковъ. Но теперь на смѣну ему грозно и неумолимо надвигается новый порядокъ, порядокъ народной свободы и обновленія всей обветшалой родины. Этотъ часъ для насъ уже наступилъ и вамъ здѣсь теперь не мѣсто. Судно, выстроенное трудомъ и потомъ народнымъ, отнынѣ переходитъ въ его собственныя руки и послужитъ на благо и защиту его, а не на его порабощеніе и угнетеніе.

Да здравствуетъ народное освобожденіе! Долой тирановъ!

Именемъ народа всѣ вы немедленно арестуетесь“. (Тутъ раздался выстрѣлъ и трупъ самоубійцы, миннаго офицера, полетѣлъ съ самаго верху и скрылся въ морской глубинѣ).

Вслѣдъ за этимъ, раздалась команда „караулъ въ ружье!“ и офицеры съ понурыми головами, блѣдными, вытянутыми лицами, были отведены подъ конвоемъ въ каютъ кампанію.

Черезъ нѣкоторое время всѣхъ ихъ на катерѣ свезли на берегъ, снявши предварительно съ нихъ погоны и всѣ военныя регаліи.

„Георгій Побѣдоносецъ“ подошелъ и сталъ на якорѣ возлѣ „Потемкина“.

Ликованію и одушевленію не было конца и предѣла.

Затѣмъ часть товарищей съ „Потемкина“ прибыла на вновь присоединившійся броненосецъ, чтобы помочь организовать на немъ новые порядки. Въ этомъ прошелъ весь остатокъ дня и ночь.

Теперь у насъ была уже своего рода эскадра.

Два броненосца, миноносецъ и „Вѣха“. Въ нашихъ головахъ уже рисовались планы завоеванія политической свободы для всего юга Россіи и распространенія ея на всю многострадальную родину.

18-го утромъ рано мы уже были всѣ на ногахъ и часть изъ насъ отправилась опять на „Побѣдоносецъ“. Каково же было наше удивленіе и огорченіе, когда по прибытіи туда мы уже не нашли вчерашняго единодушія среди команды. Для насъ было ясно, что всю ночь кто то велъ усиленную пропаганду разложенія и, дѣйствительно, раскололъ команду на двѣ явно враждебныя другъ другу части. Всякія попытки объединенія съ нашей стороны встрѣчались одной частью шумомъ, мѣшавшимъ намъ говорить, а съ другой, криками и просьбами продолжать наши рѣчи. Однако, мало по малу, удалось разъяснить выгоды солидарности и успокоить обѣ стороны, поднявши снова во всей командѣ духъ бодрости и увѣренности въ своей громадной силѣ.

Послѣ улаженія всего этого, приступили къ рѣшенію вопроса — что дѣлать дальше? Тутъ-то опять и обнаружилось, что среди команды образовалась какая-то подпольная группа, поставившая своей задачей пожать лавры предательства и выслужиться своимъ холопствомъ передъ начальствомъ. Эта группа усиленно пропагандировала мысль о необходимости пойти сейчасъ-же на встрѣчу всей остальной эскадрѣ или же въ Севастополь и вступить въ переговоры съ начальствомъ. Когда же ихъ спрашивали, какіе же это будутъ переговоры и чего мы ими должны добиваться, то они тщательно избѣгали прямыхъ отвѣтовъ и говорили весьма туманно, на каждомъ словѣ противорѣча самимъ себѣ.

Только позднѣе мы догадались о причинѣ всей этой неурядицы и спохватились о громадномъ промахѣ, который мы сгоряча и на радостяхъ совершенно не предусмотрѣли. Промахъ этотъ, погубившій впослѣдствіи все наше великое дѣло, заключался въ томъ, что мы не арестовали и не высадили на берегъ, вмѣстѣ съ офицерами, такъ называемыхъ кондукторовъ, этихъ сверхсрочныхъ солдатскихъ шкуръ, у которыхъ 20-тилѣтняя муштра, прислужничество и холопство передъ всякимъ начальствомъ сдѣлались неотъемлемой частью ихъ подлаго существа.

Съ большимъ трудомъ намъ все таки удалось убѣдить команду не предпринимать ничего, пока товарищи „Потемкина“ не обсудятъ также всѣхъ этихъ вопросовъ. Съ этимъ мы уѣхали обратно къ себѣ. Прибывши на свое судно, мы разсказали, въ чемъ дѣло, и команда наша единодушно рѣшила, что въ Севастополь она не пойдетъ, а сегодня же вечеромъ ударитъ всей своей силой вооруженія на Одессу, чтобы выгнать оттуда войска, вооружить изъ городского арсенала весь рабочій людъ,

установить независимое народное управленіе и обезпечить себѣ. такимъ образомъ, базу и тылъ. А дальше можно было уже соотвѣтствующимъ образомъ встрѣтить и эскадру, если-бы она вновь вздумала сдѣлать нападеніе.

Принявъ такое рѣшеніе, мы вновь послали своихъ депутатовъ для передачи его „Побѣдоносцу". А сами приступили къ нагрузкѣ угля, котораго намъ удалось раздобыть больше 100,000 пудовъ.

Въ это же время мы отправили печатное извѣщеніе къ командующему войсками, заключающее цѣлый рядъ требованій — освобожденіе всѣхъ заключенныхъ изъ тюремъ, выводъ изъ города всѣхъ войскъ, предоставленіе арсенала въ распоряженіе народа, немедленная доставка намъ провизіи и всего необходимаго и пр. и пр. — въ заключеніе говорилось, что если хотя одно изъ этихъ требованій не будетъ удовлетворено, то мы приступаемъ къ бомбардировкѣ города и постараемся силой захватить его въ свои руки.

Но вдругъ на нашемъ суднѣ закричали, что „Побѣдоносецъ" снялся съ якоря.

И дѣйствительно, „предатель" вздумалъ удариться отъ насъ въ бѣгство вмѣстѣ со всѣми нашими депутатами.

Мы немедленно приказали ему вернуться, но онъ прибавилъ только ходу. Тогда мы дали боевой сигналъ и наши 12-ти дюймовыя орудія совсѣмъ уже готовы были дать залпъ по измѣнникамъ, какъ они перетрусили и круто повернули обратно.

Озлобленію и негодованію среди нашей команды на подобный измѣннической образъ дѣйствій не было границъ. И я увѣренъ, что не вернись „Побѣдоносецъ", онъ былъ бы потопленъ нашими зарядами въ нѣсколько секундъ.

Однако, „предатели" добивались своего и вмѣсто того, чтобы встать на прежнее свое мѣсто, они полнымъ ходомъ завели броненосецъ въ портъ. Черезъ нѣсколько минутъ катера привезли оттуда нашихъ депутатовъ. Товарищи заявили, что вся команда тамъ вовсе не хотѣла дѣйствовать такъ измѣнически, а что виной всему этому врачъ Голенко, кондуктора и особенно одинъ изъ нихъ, который неосмотрительно былъ выбранъ вчера на постъ командира броненосца.

Послѣдній самъ, по своему желанію, приказалъ сняться съ якоря и идти въ Севастополь, перевирая всей командѣ наши сигналы и объясняя ихъ въ смыслѣ нашего слѣдованія за ними. Только когда мы дали боевой сигналъ, то врать уже стало невозможно и онъ, круто повернувъ судно назадъ, ввелъ его въ портъ и посадилъ на мель. Послѣднее обстоятельство страшно обезкуражило всѣхъ, и даже у самыхъ энергичныхъ опустились на мгновеніе руки и они утратили иниціативу.

Одни предлагали ѣхать сейчасъ-же на „Побѣдоносецъ" и арестовать тамъ всѣхъ подлецовъ и измѣнниковъ народному дѣлу, другіе говорили, что нужно ихъ лучше однимъ выстрѣломъ утопить всѣхъ, третьи просто растерялись и не знали, что предпринять.

Но фактъ тотъ, что единодушія не существовало уже больше и у насъ.

Въ это время кто-то предложилъ ѣхать въ Румынію — чтобы тамъ обдумать спокойно свое дальнѣйшее положеніе.

За это ухватились всѣ, какъ утопающій за соломенку, и наше судно, побросавши даже уголь и преданную часть товарищей изъ команды „Георгія Побѣдоносца", двинулось въ Румынію.

Въ открытомъ морѣ на пути въ Румынію всѣ мы немножко отдохнули и привели свои чувства въ порядокъ. Многіе изъ насъ не спали до этого по 3 и больше сутокъ и только теперь подкрѣпили себя сномъ и немножко возстановили свои силы. Команда вновь воспрянула духомъ и даже начались во время пути пѣніе, танцы и игры. И это, не смотря на всѣ невзгоды, которыя намъ приходилось выносить и несмотря на то, что, кромѣ сухарей и воды, у насъ не было другой пищи. Удивительно неунывающая русская натура!

Наконецъ, 20-го мы прибыли въ Румынію, въ портъ Констанцу. Насъ сейчасъ же встрѣтили власти, которыхъ мы приняли съ почетомъ и пушечными салютами. Однако, не смотря на такой почетъ, оказанный нами имъ, они отказались разрѣшить закупить тамъ уголь и провіантъ а предложили лучше выйти на берегъ и стать подъ ихъ защиту и покровительство.

Команда наша вся единодушно отказалась отъ этого предложенія, и мы рѣшили, что, пока у насъ есть еще запасъ угля — тысячъ 15—, то лучше пойти обратно въ Россію, сначала въ Ѳеодосію, а потомъ, можетъ быть, и на Кавказъ.

Единственное, что мы сдѣлали въ Румыніи, такъ это разослали нашъ „манифестъ" ко всему цивилизованному міру и наше обращеніе „ко всѣмъ европейскимъ державамъ".

И такъ мы отправились опять въ путь. Въ Ѳеодосію мы прибыли 23-го утромъ часовъ въ девять. Нашъ броненосецъ сталъ на ѳеодосійскомъ рейдѣ, разукрашенный весь флагами и революціоннымъ краснымъ знаменемъ, на которомъ на одной сторонѣ красовалось: „Свобода, равенство и братство", а на другой: „Да здравствуетъ народное правленіе!".

Лишь только мы бросили якорь, какъ сейчасъ же наши депутаты на катерѣ отправились въ городъ. Депутатами поѣхали тов. Кириллъ и еще двое тов. матросовъ подъ охраной вооруженныхъ винтовками матросовъ. На берегу собралась уже огромная толпа народа, полиція, солдаты и военныя власти, которыя встрѣтили нашихъ уполномоченныхъ. Они заявили, что желаютъ сейчасъ-же видѣть у себя на суднѣ представителей народа и врача для больныхъ товарищей, умирающихъ отъ разстройства желудка. Исправникъ и другое начальство обращалось предупредительно вѣжливо и держало даже руку подъ козырекъ передъ нами, простыми солдатами. Когда городскія власти сѣли уже на катеръ и отправились къ намъ, то мы обратились съ рѣчью къ собравшемуся толпой около насъ народу.

Мы выяснили свои цѣли, задачи и стремленія, говорили о необходимости сверженія деспотическаго самодержавія, о немедленномъ прекращеніи избіенія нашихъ братьевъ, какъ въ Манджуріи, такъ и у себя на родинѣ.

Мы указывали на необходимость самой рѣшительной борьбы, теперь же, за народную свободу и народное правленіе, взамѣнъ вѣковыхъ цѣпей рабства и угнетенія.

Съ подобными рѣчами мы обращались къ тутъ-же стоящимъ солдатамъ, призывая ихъ къ солидарности съ нами. Въ заклю-

ченіе мы открыто роздали на глазахъ у полиціи нѣсколько нашихъ прокламацій.

При первыхъ нашихъ словахъ, полиція, по старой памяти, бросилась разгонять толпу, но товарищъ Кириллъ громко прикрикнулъ на эту разнузданную свору опричниковъ и всѣ они, вытянувшись передъ нимъ въ струнку, совершено успокоились и умѣрили свой пылъ.

Послѣ этого, при дружескихъ революціонныхъ крикахъ всего собравшагося народа и салютахъ шапками, нашъ катеръ вернулся къ своему броненосцу.

Туда же вскорѣ прибыли городской голова и другіе представители города. Они, послѣ краткаго собесѣдованія съ нашимъ судовымъ управленіемъ, рѣшили сейчасъ же доставить намъ все необходимое.

И, дѣйствительно, часа черезъ два, намъ уже начали подвозить мясо, хлѣбъ, табакъ и другой провіантъ.

Но вдругъ мы получили извѣщеніе, что военныя власти силою прекратили дальнѣйшую доставку намъ уже закупленной провизіи и угрожали городскимъ представителямъ арестомъ въ случаѣ, если они будутъ продолжать снабженіе насъ припасами. Дѣло усложнялось и обострялось. Но у насъ не было иного исхода, какъ дѣйствовать рѣшительно.

Наши депутаты то и дѣло отправлялись на берегъ и предъявляли требованіе за требованіемъ начальнику мѣстнаго гарнизона объ освобожденіи конфискованной у насъ провизіи. Одновременно съ этимъ, на берегу, передъ тысячной толпой и войсками, произносились товарищами-матросами революціонныя рѣчи. Время текло быстро и наступилъ вечеръ. Мы рѣшили, поэтому, послать еще разъ депутатовъ и припугнуть мѣстныхъ сатраповъ бомбардировкой города.

Начальнику гарнизона и городскому головѣ было послано объ этомъ письменное извѣщеніе и жителей города просили до 10 час. утра перейти въ болѣе безопасныя части. Утромъ, часовъ въ 8, мы надумали силой взять одинъ изъ барказовъ, стоящихъ въ порту, и при его посредствѣ начать грузить самимъ уголь изъ желѣзнодорожныхъ складовъ. Откладывать въ долгій ящикъ этого нельзя было. И часть нашихъ товарищей на катерѣ и миноносцѣ направились въ портъ для приведенія этого въ исполненіе. Но только они успѣли подъѣхать къ барказу и частью взобраться на него, какъ по нимъ съ двухъ сторонъ былъ открытъ огонь залпами. Шесть человѣкъ убитыми и ранеными остались на мѣстѣ и частью попадали съ барказа въ воду. На миноносцѣ и на барказѣ было также двое убитыхъ и двое раненыхъ.

Катеръ оказался почти безъ управленія и едва едва одинъ изъ уцѣлѣвшихъ товарищей подъ перекрестнымъ огнемъ довелъ его до броненосца. Миноносецъ тоже съ трудомъ вернулся назадъ.

Лишь только на нашемъ судѣ узнали эту звѣрскую и предательскую расправу съ нашими дорогими товарищами, какъ вмигъ часть матросовъ бросилась, безъ всякой команды, къ орудіямъ... Но куда было стрѣлять и въ кого? Мы только что почти прибыли и расположеніе города намъ совсѣмъ не было извѣстно. Войска же были позапрятаны за всякими закрытіями.

Поднялся шумъ и разногласіе. Одни кричали, что нужно

отом[illegible] и разбить весь городъ, другіе кричали о безмысленности этого. Что было дѣлать? Въ Румынію, — закричали опять — „въ Румынію", подхватила толпа, и мы опять очутились въ открытомъ морѣ.

Чѣмъ кончилось наше дѣло въ Румыніи, теперь уже извѣстно всѣмъ изъ русской и заграничной печати. Такъ-то кончилась жизнь нашей двѣнадцатидневной черноморской республики. Въ нашихъ рукахъ была громадная сила и власть, на нашей сторонѣ былъ авторитетъ 12 дюймовыхъ орудій и тысяча боевыхъ снарядовъ и, несмотря на все это, мы далеко не сдѣлали всего того, что можно было-бы сдѣлать въ нашемъ положеніи. Почему это такъ?

Да потому, что въ значительной степени событія управляли нами, а не мы событіями.

Но, чтобы отвѣтить болѣе обстоятельно на этотъ вопросъ, понадобилось бы съ моей стороны лучшее здоровье и больше свободнаго времени. Ни того, ни другого у меня сейчасъ нѣтъ, и поэтому я закончу здѣсь свое описаніе.

* * *

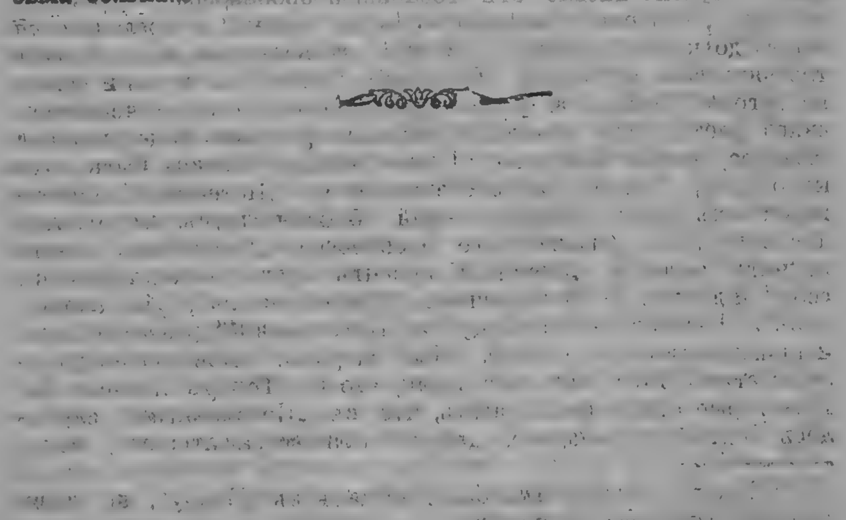
Говорятъ, что мы позорно сдались въ Румыніи, вмѣсто того, чтобы биться до послѣдней капли крови.

Мнѣ же кажется, что пошло и нагло обвинять насъ въ этомъ, сидя въ какой нибудь кофейной съ сигарой въ зубахъ и резонерствуя издали о злобѣ дня.

Мы выдержали, можно сказать, 12 тидневный непрерывный бой, который мы вели безъ всякой посторонней помощи, безъ всякой поддержки.

Гдѣ были всѣ эти пошлые резонеры, когда мы нуждались хоть въ какой нибудь поддержкѣ со стороны? Безъ угля, безъ пищи, при колоссальномъ физическомъ и моральномъ трудѣ мы держались цѣлыхъ двѣнадцать сутокъ. Наша машинная и кочегарная команда буквально истощила всѣ силы и наполовину была больна.

К.

Революціонные дни въ Черноморскомъ флотѣ.

Письмо матроса.

Въ послѣднее время въ черноморскомъ флотѣ замѣчалось сильное революціонное движеніе. Люди просто рвались въ бой и большого труда стоило мѣстной флотской „централкѣ", членамъ Севастопольской социальдемократической организаціи, удерживать людей отъ подобнаго шага, такъ какъ въ виду имѣлось поднять возстаніе въ концѣ практическаго плаванія черноморской эскадры, а до тѣхъ поръ вести самую сильную агитацію среди судовыхъ и береговыхъ командъ флота и, по возможности, среди арміи. За нѣсколько дней до ухода броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій" на пустынный островъ Тендръ для опробованія боевыми снарядами своей артиллеріи, мѣстная организація получила съ „Князя Потемкина" письмо, въ которомъ почти вся команда его спрашивала организацію, не повредитъ ли народу и вообще революціонной работѣ въ Россіи, если они, команда „Князя Потемкина", поднимутъ знамя возстанія[1]. Мѣстная организація созвала представителей отъ флота, т. е. флотскую централку, на которой и было приступлено къ разбору этого письма и совѣщанію, какъ поступить съ предложеніемъ потемкинскихъ товарищей. Послѣ долгихъ преній, при помощи интеллигента отъ Севастопольскаго Комитета, было единодушно принято рѣшеніе просить потемкинскихъ товарищей подождать до конца плаванія эскадры, въ виду того, что на нѣкоторыхъ судахъ еще не были готовы къ возстанію, а до тѣхъ поръ, какъ я уже писалъ выше, рѣшено было повести самую широкую агитацію, на что на другой день было получено письмо отъ товарищей броненосца „Князь Потемкинъ", что они принимаютъ наше рѣшеніе и соглашаются ждать до конца плаванія. 12 іюня, въ воскресенье, въ началѣ третьяго часа пополудни, „Потемкинъ" снялся съ якоря и ушелъ на островъ Тендръ, а 13 іюня практическая эскадра черноморскаго флота, подъ командой старшаго флагмана вице-адмирала Кригера, начала кампанію. 21 іюня эскадра должна была идти къ острову Тендръ на присоединеніе къ „Потемкину" для совмѣстныхъ практическихъ занятій. 15 іюня вдругъ, неожиданно для всѣхъ, съ флагманскаго броненосца „Ростиславъ" былъ поднятъ сигналъ: „адмиралъ проситъ всѣхъ командировъ къ себѣ" и другой — броненосцамъ: „Три святителя", „12 апостоловъ", „Георгію Побѣдоносцу" и „Екатеринѣ II" развести пары и приготовиться къ походу. Мы, матросы, были очень удивлены этимъ, такъ какъ всѣ знали, что на Тендръ пойдемъ 21. Нѣкоторые стали предполагать, что съ „Потемкинымъ" случилось что-нибудь неладное, другіе стали возражать: это, молъ,

---

[1]) Текстъ этого письма былъ посланъ въ „Искру", но, повидимому, затерялся на почтѣ

просто практика, не больше. Словомъ, на бакѣ, разбившись на нѣсколько группъ, команда стала коментировать этотъ походъ на разные лады.

Тѣмъ временемъ съѣхались командиры. Совѣщаніе ихъ длилось часа два, что они говорили, не знаю. Но послѣ совѣщанія послѣдовалъ другой сигналъ: „Екатеринѣ оставить готовиться къ походу", и вотъ почему, какъ мы послѣ узнали отъ Екатерининскихъ товарищей: наканунѣ этого дня, т. е. 14-го вечеромъ, команда броненосца „Екатерина II", пропѣвъ съ грѣхомъ пополамъ молитвы „отче нашъ" и „богородицу", совершенно отказалась пѣть „спаси господи" и, когда человѣкъ 5—7 пѣвчихъ все почти тянули эту молитву, остальные стали шикать и свистать; къ вышедшему командиру капитана I ранга Дриженко команда предъявила чисто экономическаго характера требованія, онъ смѣшался и поспѣшилъ уйти въ каюту. Вотъ по этой то причинѣ и не пошла „Екатерина" съ эскадрой. Въ 11 часовъ ночи снялась эскадра подъ командой младшаго флагмана Вишневецкаго въ составѣ 3 броненосцевъ: „Три Святителя", „Георгій Побѣдоносецъ", „12 апостоловъ", миннаго крейсера „Казарскій" и 4 миноносцевъ. На другой день, т. е. 16-го іюня около 11 часовъ утра былъ поднятъ другой сигналъ: „Ростиславу" и „Синопу" развести пары и приготовиться въ походу. Стали готовиться. Приняли на 3 дня провизіи и къ началѣ 7 часа вечера снялись. Все это время офицеры были страшно встревожены, ходили, повѣсивъ носы, и о чемъ то шушукались. Болѣе сознательные матросы, которыхъ было очень мало на „Ростиславѣ", всего 10 чел., догадались, что мы идемъ на „Потемкина" и стали просто открыто агитировать, на чемъ нѣкоторые провалились, въ томъ числѣ и я, но мнѣ удалось послѣ бѣжать. Агитація плохо шла, большинство не вѣрило, что „Потемкинъ" перешелъ на сторону народа, но, въ концѣ концовъ, намъ удалось многихъ изъ команды убѣдить въ этомъ, и они говорили такъ: „если правда, что мы идемъ на „Потемкина", то стрѣлять въ него мы все равно не будемъ, тамъ наши братья". Въ началѣ 10-го часа утра 17 іюня мы подошли къ острову Тендеръ, съ цѣлью присоединиться къ ушедшей заранѣе эскадрѣ, но ее тамъ не оказалось, только на горизонтѣ по направленію къ Одессѣ виднѣлось нѣсколько дымковъ, то была наша эскадра. Мы пошли къ ней, часовъ въ 11 соединились. Командиры всѣхъ судовъ съѣхались на совѣщаніе на флагманское судно „Ростиславъ"; отъ гребцовъ, которые пріѣхали съ командирами, мы узнали, что „Князь Потемкинъ" стоитъ въ Одессѣ, и, когда они стали подходить къ Одессѣ, съ „Потемкина" подняли сигналъ: „сдавайся или будемъ стрѣлять", они поспѣшили уйти отъ него.

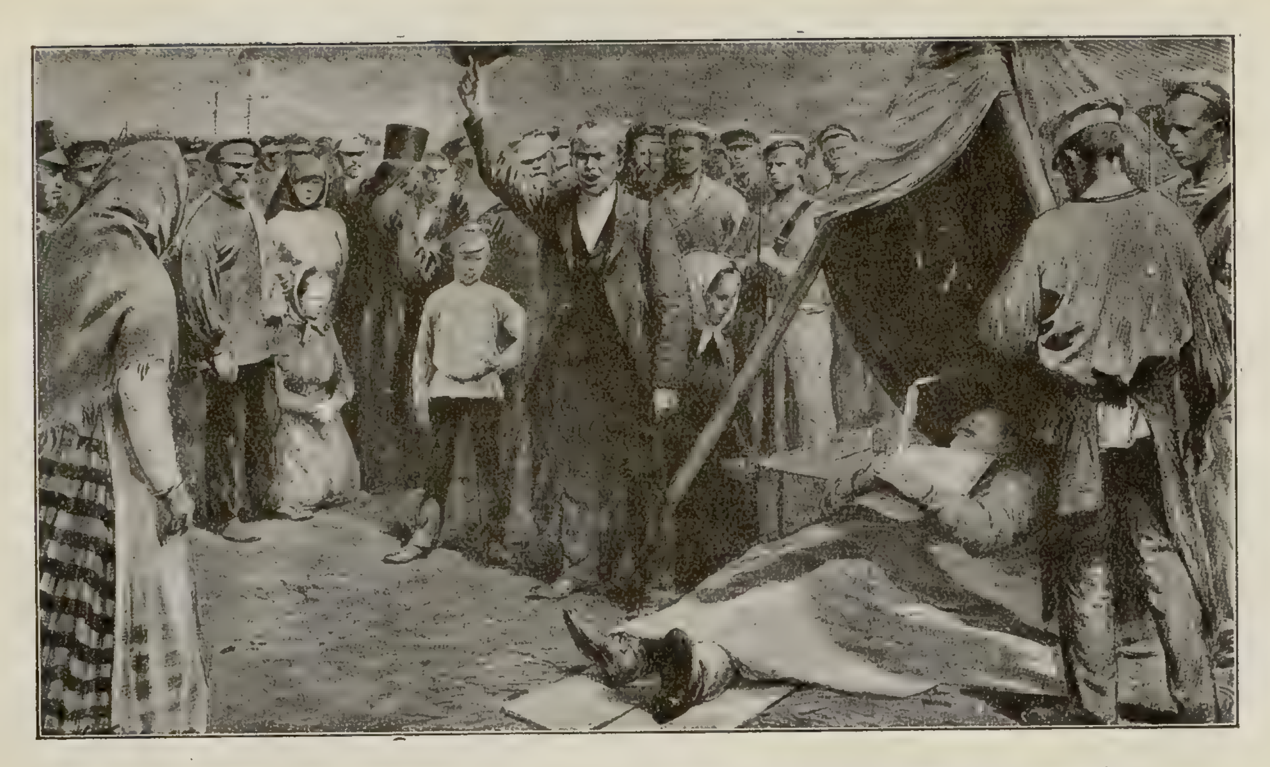
Совѣщаніе командировъ длилось не больше получаса. Потомъ эскадра выстроилась въ боевой порядокъ и, взявъ курсъ на Одессу, пошла 10 узловымъ ходомъ. Въ началѣ 12 часовъ пополудни показался берегъ и виднѣлись дымки изъ трубы „Кн. Потемкина". Въ началѣ 1 часа мы простымъ глазомъ видѣли всѣ предметы на „Потемкинѣ". У насъ пробили боевую тревогу. Стали убирать все лишнее изъ верхней палубы. Подали снаряды къ пушкамъ. Все это дѣлалось командой нехотя, мед-

Говорилось нѣсколько рѣчей почти на глазахъ у офицеровъ и шпіоновъ, которыхъ въ изобиліи во флотѣ. Большинство команды всей душой сочувствовало Потемкинскимъ товарищамъ. На флагманскомъ суднѣ „Ростиславъ" подняли сигналъ: „Потемкину стать на якорь", съ „Потемкина" отвѣтили: „Ростиславу" и „Тремъ Святителямъ" застопорить машины", такъ какъ эти два броненосца больше другихъ ушли впередъ. Съ „Ростислава" опять подняли сигналъ: „Потемкину" стать на якорѣ", оттуда отвѣтили: „Ростиславу" и „Тремъ Святителямъ" застопорить машины, иначе стрѣлять буду". Послѣ такой аргументаціи „Ростиславъ" и „Три Святителя" застопорили машины, а за ними застопорила машины и вся эскадра. И вотъ тутъ я ужъ не въ состояніи описать того, что я видѣлъ, такія величественныя картины видятся только разъ въ жизни. „Потемкинъ", мощный, грозный, громадный и сильный, полнымъ ходомъ идетъ противъ эскадры въ 5 броненосцевъ! Это было величественное зрѣлище, достойное кисти самаго знаменитѣйшаго художника въ мірѣ. Пушки „Потемкина" направлены на насъ, онъ цѣлится ими въ насъ. Вотъ на немъ взвился сигналъ. Разбираемъ. „Команда „Потемкина" требуетъ къ себѣ старшаго флагмана". Флагманъ не отвѣчаетъ. Вотъ онъ ужъ близко, вотъ ужъ идетъ между „Ростиславомъ" и „Тремя Святителями". Ужасъ, восторгъ смѣшались вмѣстѣ и, схватившись за стойку, я оцѣпенѣлъ отъ этихъ ощущеній. На „Ростиславѣ" все затихло, замерло, притаилось и томительно ждетъ чего то страшнаго, таинственнаго. А „Потемкинъ" гордо, смѣло, величественно идетъ между нами, не спуская пушекъ съ намѣченной цѣли. Вотъ онъ сталъ направлять свою большую 12 дюймовую пушку на мостикъ, гдѣ куча офицеровъ, онѣмѣвъ отъ ужаса, стоитъ, не шелохнувшись; увидавъ же, что на нихъ цѣлятся, они, какъ стадо скотовъ, шарахнулись, кто куда попалъ, а одинъ изъ нихъ, нѣкто мичманъ Высокосовъ, схватившись за ногу, съ крикомъ: „ой, нога, нога!", убѣжалъ.

А на „Потемкинѣ" ни души не видать, какъ будто это волшебное заколдованное судно, какъ будто это призракъ! Однѣ лишь пушки ворочаются, не спуская намѣченной цѣли и пусть бы кто выстрѣлилъ по немъ изъ револьвера, въ мигъ бы посыпалось въ него 70 снарядовъ и шесть минъ и въ мигъ бы тотъ корабль пошелъ ко дну. Да, это было просто что то такое фантастическое, невѣроятное. Казалось, что это сонъ, а не дѣйствительность. Вотъ „Потемкинъ" сталъ проходить мимо насъ, на немъ на верхнюю палубу выбѣжалъ матросикъ, взялъ шлангъ, полилъ палубу, снялъ фуражку, помоталъ ею намъ и скрылся. И опять на „Потемкинѣ" ни души. Вотъ „Потемкинъ", обогнувъ корму „Три Святителя", пошелъ между броненосцами „Георгій Побѣдоносецъ" и „Синопъ"; тамъ его встрѣтили крикомъ „ура"! Пройдя ихъ, онъ направился къ Одессѣ, эскадра наша хотѣла идти за нимъ, но вдругъ стали замѣчать, что съ „Георгіемъ" творится что то неладное, онъ вышелъ изъ строя и малымъ заднимъ ходомъ идетъ къ „Потемкину"; съ „Ростислава" подняли сигналъ: „Почему „Георгій" не по боевому?". Оттуда отвѣчаютъ: „Команда „Георгія" желаетъ свезти офицеровъ на берегъ и присоединиться къ „Потемкину". Съ „Ростислава" опять сигналятъ: „Употребите всѣ силы и слѣдуйте за эскад-

Экипажъ „Потемкина“ въ Констанцѣ.

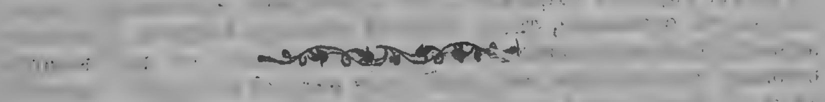

Трупъ Вакулинчука на набережной въ Одессѣ.

рой“. Оттуда отвѣчаютъ: „Не могу, не могу, не могу“! Вотъ и на „Синопѣ“ стало замѣчаться какое то колебаніе: то онъ выйдетъ изъ строя, то опять съ нимъ. Видя это, старшій флагманъ отдаетъ приказаніе полнымъ ходомъ идти въ Севастополь. Послѣ мнѣ удалось узнать, что на „Синопѣ“ образовались двѣ партіи— желающихъ и не желающихъ присоединенія къ „Потемкину“. Побѣдила партія не желающихъ, и потому „Синопъ“ пришелъ вмѣстѣ съ остальной эскадрой въ Севастополь. „Георгій“ же остался вмѣстѣ съ „Потемкинымъ“. Но, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ „Правительственнаго Вѣстника“, видно, что „Георгій“ сдался властямъ г. Одессы. Чѣмъ это объяснить, не знаю.

Я уже писалъ выше, что было рѣшено не подымать теперь возстанія, до тѣхъ поръ, пока въ достаточной степени подготовятъ команды на нѣкоторыхъ судахъ, на что получили согласіе отъ товарищей съ броненосца „Князь Потемкинъ“. Но какъ же оно вышло, что товарищи съ „Потемкина“ не сдержали своего слова? А вотъ какъ: Придя на островъ Тендръ 13 іюня, они отдали якорь. За свѣжей провизіей не было послано. Та же провизія, которая была взята изъ Севастополя, успѣла испортиться, въ мясѣ, напримѣръ, были большіе черви. Команда видѣла это и сговорилась не кушать пищи, приготовленной изъ этого мяса. И вотъ на другой день 14 іюня все таки былъ сваренъ борщъ съ этимъ мясомъ. Пришло время обѣда. Команда забрала по куску хлѣба, соли и по кружкѣ воды, начала обѣдать, не прикасаясь къ борщу. Пришелъ командиръ, капитанъ перваго ранга г. Голиковъ, и, увидавъ, что команда дѣйствительно отказывается ѣсть борщъ съ червями, взобрался на мостикъ, позвалъ боцмана и приказалъ ему насильно заставлять ѣсть этотъ борщъ; боцманъ пришелъ на палубу и объявилъ о томъ командѣ, та, конечно, опять не согласилась ѣсть борща. Тогда прибѣгаетъ старшій офицеръ, капитанъ второго ранга, заставляетъ барабанщика бить сборъ; тотъ бьетъ, команда становится во фронтъ, выходитъ старшій офицеръ и говоритъ: кто желаетъ ѣсть борщъ, выходи сюда. Вышли кондуктора, унтеръ-офицеры, „кожи“, т. е. сверхсрочные служащіе, за ними пошла команда менѣе сознательныхъ, увлекая за собою и другихъ. Пожалуй, перешли бы на сторону желающихъ всѣ, но старшій офицеръ отдѣлилъ человѣкъ 40 и приказалъ караулу стрѣлять по нимъ, караулъ отказался, онъ повторилъ приказаніе, караулъ опять отказался, тогда старшій офицеръ вырвалъ у перваго попавшагося караульнаго винтовку и всадилъ ее въ животъ первому попавшемуся ему подъ руку матросу и два раза выстрѣлилъ въ него, одной изъ этихъ двухъ пуль онъ убилъ стоящаго на посту часового. Тутъ уже команда не вытерпѣла, схватила винтовки, застрѣлила старшаго офицера и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ, командиръ успѣлъ скрыться; выбрала себѣ командиромъ прапорщика Алексѣева и, снявъ съ уцѣлѣвшихъ офицеровъ погоны, арестовала ихъ. Потомъ пошли искать командира, нашли его въ адмиральской каютъ-кампаніи подъ матрацомъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и кителѣ, вытащили его на верхъ, и одинъ изъ матросовъ, обращаясь къ командѣ, спросилъ, какъ казнить его; кто кричалъ повѣсить, кто застрѣлить, кто утопить; командиръ собирался что то сказать, но тутъ одинъ изъ матросовъ со словами „разойдись, дай дорогу, что съ нимъ

тамъ разсказывать", выстрѣлилъ въ него, потомъ выбросили за бортъ. Въ то время, какъ матросы расправлялись съ офицерами, миноносецъ, который пришелъ вмѣстѣ съ „Потемкинымъ", вздумалъ было уйти, но съ „Потемкина" замѣтили это, зарядили пушку и выстрѣлили въ него, онъ остановился и повернулъ къ нимъ, но „Потемкинъ" думалъ, что онъ собирается взорвать ихъ, выстрѣлилъ вторично, тогда съ миноносца спросили, что имъ надо, что миноносецъ не думаетъ взрывать ихъ; съ „Потемкина" потребовали ихъ къ себѣ и въ то время, какъ миноносецъ подходилъ къ нему, съ борта „Потемкина" прыгнуло въ воду нѣсколько офицеровъ и матросовъ и хотѣли плыть на миноносецъ, но команда „Потемкина" не допустила ихъ до миноносца, а перестрѣляла всѣхъ. По словамъ очевидца, человѣкъ 15—20 было перебито. Когда миноносецъ подошелъ къ борту „Потемкина", съ него сняли офицера, командира миноносца, взяли у него шпагу, сняли съ него погоны и посадили въ каюту, команду взяли къ себѣ, а свою послали на миноносецъ. Послѣ всего этого, матросы вымыли палубу, на которой было много крови, отрядили часть матросовъ чистить картофель для супа, послали вахтенныхъ машинистовъ собирать машину, кочегаровъ разводить пары. Поспѣлъ супъ, усѣлись обѣдать. Арестованныхъ офицеровъ посадили рядомъ съ собою, но обѣдъ дали изъ офицерскаго камбуза, т. е. кухни. Пообѣдавъ, они приступили къ выбору офицеровъ. Командиромъ выбрали прапорщика запаса флота Алексѣева, старшимъ офицеромъ — боцмана, старшимъ механикомъ — кондуктора, въ помощники ему машиннаго унтеръ-офицера, артиллерійскаго офицера выбрали изъ артиллеристовъ, миннаго изъ минеровъ, потомъ, раздѣлившись на два отдѣленія, выбрали себѣ по офицеру, а затѣмъ снялись съ якоря и пошли въ Одессу. Въ Одессѣ похоронили убитаго офицеромъ матроса. Говорятъ, что на похоронахъ было много публики, ораторы говорили рѣчи. Объ этомъ я не буду распространяться, такъ какъ это одни лишь слухи, дошедшіе до меня. Все же остальное есть истина, такъ какъ отчасти былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ фактовъ, а отчасти получилъ свѣдѣнія отъ очень компетентнаго лица. В.

Іюньскіе дни въ Одессѣ.

Изъ сообщеній Одесской Группы Р. С.-Д. Р. П.

I.

Послѣ полуторамѣсячной забастовки настроеніе рабочихъ стало въ высшей степени напряженнымъ. Уже были восприняты всѣ политическіе лозунги, уже наслушались множества рѣчей, а голодъ и нищета съ каждымъ днемъ хлестали забастовщиковъ все сильнѣе и сильнѣе. Совершенно стихійно разыгралась на Пересыпи демонстрація. Въ полицію были зачѣмъ то приглашены нѣсколько уполномоченныхъ изъ заводовъ, выбранныхъ рабочими для веденія переговоровъ съ заводской администраціей. Уполномоченные что-то по долгу не возвращались изъ участка. Тогда вокругъ него собралась большая толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Громко потребовала она освобожденія задержанныхъ товарищей. Когда послѣдніе вышли, раздалось „ура". Затѣмъ двинулись всей толпой снимать рабочихъ грузчиковъ съ желѣзнодорожной ст. Народа было ужъ до 1000 человѣкъ, которые двигались, распѣвая революціонныя пѣсни, разбрасывая прокламаціи, съ рѣчами и возгласами и т. д. У конца улицы разошлись. Черезъ нѣсколько дней рѣшено было собраться уполномоченнымъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ для рѣшенія вопроса о всеобщей забастовкѣ. Бастовавшая на Пересыпи масса убѣждалась, что, лишь превративши хотя довольно широкую, но все же частичную забастовку во всеобщую, можно добиться удовлетворенія своихъ требованій. Въ это время въ городѣ уже усиленно циркулировали слухи о новыхъ демонстраціяхъ, о всеобщей забастовкѣ. Въ воздухѣ пахло взрывомъ. Опять стихійно вылилась маленькая демонстрація на Молдаванкѣ.

Въ воскресенье 12 іюня вечеромъ, состоялось собраніе уполномоченныхъ, которое было арестовано. 13 іюня начались кровавые революціонные дни. Началось опять на Пересыпи, гдѣ рабочіе дольше и упорнѣе всего держались. Утромъ въ понедѣльникъ собралось у завода Гена отъ 500 до 600 человѣкъ и, сильно возбужденные арестомъ своихъ уполномоченныхъ, стали обсуждать, какъ быть дальше.

Гулъ выстрѣловъ на Пересыпи поднялъ на ноги весь одесскій пролетаріатъ. Въ этотъ же день стали на Пересыпи тѣ заводы, которымъ даны были кое какія уступки. Возбужденіе росло съ поразительной быстротой. Днемъ на улицахъ произошло нѣсколько собраній, дышавшихъ уже революціоннымъ подъемомъ. Ночью у полотна желѣзной дороги, собирались тысячныя толпы, ораторы смѣняли другъ друга, тамъ же остановили дачные поѣзда. Часовъ въ 9 всѣ двинулись къ электрической станціи. Здѣсь произошла схватка съ казаками, раздавались залпы, очевидно, холостые. Въ городѣ же шли толпы рабочихъ, пока еще сравнительно маленькія, и останавливали работы. Въ этотъ день, оставляя въ сторонѣ залпы на Пересыпи, полиція и казаки вели себя сравнительно чинно. Но за то слѣдующій день былъ днемъ безконечныхъ ужасовъ. Установить

сейчасъ же количество данныхъ по толпѣ залповъ невозможно: придется указать только нѣкоторые. Начиная съ утра 14 іюня, снимавіе рабочихъ съ работы носитъ уже бурный, революціонный характеръ. На фабрикѣ жестянныхъ издѣлій Вальтуха работы были остановлены ворвавшимся вооруженнымъ отрядомъ рабочихъ. Въ ходъ пошли также захваченные напильники и инструменты. У фабрики произошли крупныя стычки, стрѣляли и толпа, и въ толпу. Съ обѣихъ сторонъ раненныхъ приблизительно человѣкъ 10.

Звѣрское избіеніе произошло на углу Канатной и Еврейской. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ собралась грандіозная толпа рабочихъ, среди которыхъ было больше половины дѣвочекъ-подростковъ изъ чайной фабрики Высоцкаго. Дѣвочекъ только что сняли съ работы. Радостныя, страшно возбужденныя, онѣ вышли съ толпой взрослыхъ рабочихъ съ фабрики Левинсона. Вся толпа съ громкими криками, страшно возбужденная, двинулась было по Канатной улицѣ. На встрѣчу быстро двигался отрядъ городовыхъ. Передніе части толпы пытались было повернуть на Еврейскую, но заднія, не видѣвшія городовыхъ, начали кричать: „Не ходите, товарищи, на Еврейскую. Тамъ у участка засада“; но какъ разъ въ этотъ моментъ началось кровавое побоище съ двухъ сторонъ: и со стороны Еврейской, гдѣ изъ участка, дѣйствительно, высыпала куча городовыхъ съ саблями наголо, и со стороны Канатной, откуда къ тому времени же вплотную придвинулся отрядъ городовыхъ. Началась частая револьверная пальба, отчаянные крики растерявшихся дѣвушекъ (были отъ 13 до 14 лѣтъ), а въ это время шашками рубили отдѣльныя кучки свалившихся дѣвушекъ, мужчинъ. Рубили жестоко, звѣрски. Въ результатѣ множество избитыхъ и до десятка сильно изрубленныхъ шашками. Одну дѣвушку изрубили на смерть. Разбѣжавшаяся толпа быстро вновь собралась и стала останавливать другія мастерскія. Въ это время залпы начались съ Преображенской ул. Здѣсь полиція стрѣляла цѣлый день съ промежутками въ два-три часа. Не смотря на это, толпы собирались каждый разъ и плотными массами двигались взадъ и впередъ. Преобладала рабочая молодежь и множество совсѣмъ молодыхъ мальчиковъ, которые всюду являлись застрѣльщиками. Сколько было залповъ на Преображенской улицѣ, установить нельзя было, ибо стрѣляли безпорядочно, такъ что получилась картина безпрерывной стрѣльбы. Въ этотъ же день стали закрываться магазины, банки и т. подоб. Войскъ пока было мало, Дѣйствовала, главнымъ образомъ, полиція. Городовые мчались по улицамъ, размахивая въ одной рукѣ револьверомъ, въ другой — шашкой; однако, большинство выстрѣловъ были холостые, иначе трудно себѣ объяснить поразительно малое количество жертвъ при почти непрерывной стрѣльбѣ. А стрѣльба была во множествѣ пунктовъ. Масса металась съ улицы въ улицу, ни разу не разсѣиваясь хотя бы болѣе, чѣмъ на 15 минутъ. Въ пяти-шести пунктахъ воздвигали баррикады, валили конки, возы, таскали доски, но при первыхъ выстрѣлахъ сейчасъ же разбѣгались. При постройкѣ баррикадъ выдающуюся роль играли уличныя дѣти. Съ поразительнымъ безстрашіемъ кучка мальчугановъ окружала конку, высаживала пассажировъ и мгновенно валила вагонъ на самые рельсы. Съ

полудня движеніе по нѣкоторымъ линіямъ пріостановилось. Къ этому времени были остановлены работы почти во всемъ городѣ и отчасти на окраинахъ. Остановка работъ всюду сопровождалась избіеніемъ, залпами... Масса была безоружна и, гдѣ были подъ руками камни, они пускались въ ходъ, не причиняя казакамъ особеннаго вреда. Въ теченіе дня раздавались въ различныхъ пунктахъ, приблизительно, 10 — 15 выстрѣловъ изъ толпы, нѣкоторыми изъ нихъ были ранены городовые, околодочные надзиратели, помощникъ пристава, казаки и т. п. Отдѣльныя нападенія толпы на городовыхъ происходили довольно часто. Въ одномъ мѣстѣ толпа освободила одного арестованнаго, прогнавши съ извозчика перепуганнаго околодочнаго, которому къ самой груди былъ кѣмъ то приставленъ револьверъ. Околодочный соскочилъ, а городовой за нимъ. Арестованный смѣшался съ толпой. Въ этотъ же день появившіяся прокламаціи призывали ко всеобщей забастовкѣ. Къ вечеру уже насчитывалось нѣсколько убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и нѣсколько десятковъ раненыхъ. Часамъ къ десяти была брошена бомба на Соборной площади при обстоятельствахъ, указанныхъ въ газетахъ. Бросившій бомбу, скончался во время спора между персоналомъ „Скорой помощи“ съ полиціей, насчетъ того, куда увести „преступника“. Къ вечеру же большинство магазиновъ было закрыто и толпы народа стали еще гуще. Послѣ взрыва бомбы публику начали уже гнать казаки и къ 11 часамъ было уже пусто. На Пересыпи опять шли открытыя собранія, ходили толпами закрывать близъ стоящіе заводы, но при выстрѣлахъ сейчасъ же разбѣгались. Въ одномъ случаѣ трехтысячная толпа убѣгала передъ нѣсколькими полицейскими, хотя передніе ряды кричали, что не слѣдуетъ бѣжать передъ 4—5 вооруженными чинами. Однако, сознаніе своей безпомощности все глубже и глубже внѣдрялось въ сознаніе массы и къ вечеру оно сильно возросло. Требовали настойчиво оружія, говорили, что съ оружіемъ все сдѣлать можно, но оружія не было.... Были десятки револьверовъ. Рождались у массы планы двинуться къ оружейнымъ магазинамъ, но стало извѣстно, что въ лавкахъ ничего нѣтъ. Попытки двинуться съ Пересыпи въ городъ не удались. Ночью во вторникъ пришлось констатировать слѣдующіе факты.

1) Завтра забастовка станетъ всеобщей. 2) Настроеніе находящихся на улицахъ рабочихъ крайне революціонное. Въ острой формѣ требуютъ оружія. 3) На улицахъ преимущественно рабочая и интеллигентная молодежь всѣхъ возрастовъ до мальчиковъ и дѣвушекъ 13 — 14 лѣтъ включительно. 4) Власти страшно растеряны, войскъ нѣтъ. Полиція стрѣляетъ безъ всякаго предупрежденія. Значительный процентъ выстрѣловъ холостыхъ. Боятся раздражать толпу убійствами, но еще больше боятся толпы. 5) Завтра будутъ войска, будутъ боевые залпы: прольется больше крови. 6) Нужно поддержать настроеніе толпы, снимать еще работающихъ, ждать „развязыванія“ революціонныхъ событій.

Ночью съ 14 на 15 іюня случилось событіе, которое, конечно, уже привлекало вниманіе всего міра, событіе неизвѣстное во всемірной исторіи. На службу россійской революціи сталъ самый лучшій эскадренный броненосецъ единственнаго въ Рос-

сіи Черноморскаго флота. Обстоятельства, предшествовавшія этому грандіозному событію, вамъ извѣстны.

Къ трупу матроса стали стекаться тысячныя толпы, которыя мѣнялись въ теченіе всего дня. Каждый разъ кто-нибудь изъ матросовъ читалъ воззваніе „къ одесситамъ". Толпа снимала шапки, нѣкоторые крестились; настроеніе было въ высшей степени приподнятое. Тѣло матроса было украшено чернымъ знаменемъ. Тутъ же были воздвигнуты эстрады изъ бочекъ для ораторовъ. Говорили многіе случайные ораторы изъ публики, излагая каждый по своему горе и скорбь народную. Говорилъ одинъ портъ-артурецъ, калѣка: „Вы возмутились, что вамъ дали червивое мясо, а мы такое мясо кушали ежедневно". Каждый разъ показывали толпѣ мясо, изъ котораго матросы варили борщъ. Мясо тухлое, червивое, гнилое.

Толпа, сильно взволнованная всѣмъ происходящимъ передъ ея глазами, а вдали высится гигантъ-броненосецъ, внушающій всѣмъ упавшимъ духомъ рабочимъ гордую увѣренность въ томъ, что на сторонѣ революціи новая могучая сила, передъ которой теряются въ безпамятствѣ всѣ власти съ ихъ солдатами, полиціей и казаками.

Съ прибытіемъ броненосца городъ совершенно пустѣетъ. Не видно кучекъ рабочихъ, не видно толпъ мальчишекъ. Все это бѣжитъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, къ гавани. На улицахъ, прилегающихъ къ гавани, это бѣгство становится особенно замѣтнымъ. Съ проходящаго мимо трамвая слѣзаютъ люди, и, еще не зная въ чемъ дѣло, присоединяются къ бѣгущимъ.

Позабыты всѣ ужасы прошлыхъ дней. Всѣ мысли, всѣ чувства концентрируются вокругъ революціоннаго броненосца. Каждому рисуются грандіозныя картины захвата всего южнаго побережья, аресты властей, бомбардировки. Уже летятъ въ воздухѣ слова: „временное правительство", „революція". Говорятъ, что матросы высадятся и возьмутъ городъ и, дѣйствительно, въ среду утромъ это было весьма возможно. Въ городѣ совершенно не было войскъ. Въ уѣздѣ шли и идутъ крупные аграрные безпорядки, лагери отстоятъ на десятки верстъ, нѣкоторыя войсковыя части находятся въ сильномъ броженіи, настроеніе толпы крайне возбужденное—всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, могли бы несомнѣнно привести къ захвату города, если бы высадилось нѣсколько сотъ хорошо вооруженныхъ людей, поставившихъ себѣ ясную задачу свергнуть самодержавіе. При томъ дѣйствіе орудій броненосца могло бы значительно ускорить революціонную развязку. Но матросы ждали остальной эскадры. Среди тысячи циркулировавшихъ въ толпѣ слуховъ опредѣленно и настойчиво повторялся одинъ, что изъ Николаева идутъ пѣшкомъ 700 вооруженныхъ рабочихъ. Слухъ держался нѣсколько дней.

Затѣмъ массы волновалъ одинъ важный, все опредѣляющій вопросъ: придетъ ли вся остальная Черноморская эскадра? Всѣ знали, что необычайно сильно чисто революціонное броженіе среди черноморскихъ матросовъ и всѣмъ хотѣлось вѣрить, что флотъ, дѣйствительно, придетъ и, тогда...

Говорили и о томъ, что прибудетъ германская и турецкая эскадра и возьмутъ... для Россіи прибывшій броненосецъ.

Матросы же съ „Потемкина" поддерживали увѣренность въ

томъ, что прибудетъ вся остальная эскадра. Для нихъ стала ясна диллема: или смертная казнь матросамъ или смерть самодержавію. Самодержавіе должно умереть, для того чтобы мы могли жить: это имъ стало ясно и они твердо рѣшили вопросъ въ свою пользу. Въ этотъ день въ городѣ было спокойно. Выстрѣлы почти прекратились. Къ вечеру начали стягиватся войска. На нѣкоторыхъ мѣстахъ были установлены пушки. Атмосфера въ городѣ сгущалась. Въ порту же пока все шло по прежнему. Тысячныя толпы, ораторы, ораторы безъ конца. Какой то пьяный восторгъ, вылившійся въ самыя разнообразныя формы, оживленныя лица, бесѣды... Отъ полиціи кругомъ чисто. Ея нигдѣ не видать. Лишь къ вечеру казаки и городовые на бульварѣ и на всѣхъ господствующихъ надъ моремъ мѣстахъ начинаютъ создавать затрудненія идущимъ толпамъ.

Но пока все благополучно. Внизу же дѣлается попытка вызвать антиеврейскій погромъ. Появляются темныя личности, толкуютъ о „жидахъ", что они все это сдѣлали и т. п. Говорятъ нѣкоторые ораторы на эту тему, а затѣмъ въ какого то громко кричавшаго противъ „жидовъ" шпика направляется неизвѣстно откуда нѣсколько выстрѣловъ, и шпикъ падаетъ замертво. При этомъ ранено два, три человѣка. Другого шпіона сильно избиваютъ.

До вечера, какъ видите, царило относительное спокойствіе, и чувствовался революціонный подъемъ. Весь день былъ полнымъ торжествомъ сознательности. Вечеромъ разыгралась дикая стихія, вечеромъ разлились ужасы, несказанные ужасы. Часовъ въ шесть начались въ порту грандіозные грабежи. Разбили „монополію", перепились мертвецки... Единодушное свидѣтельство всей мѣстной печати и тысячъ пребывавшихъ въ порту людей указываетъ на то, что отъ начала до конца грабежи были дѣломъ городскихъ отбросовъ, босяковъ, профессіональныхъ воришекъ и „чистой" публики. Эта публика таскала шолки, бархаты, драгоцѣнности, запихивала въ карманы. Мы не можемъ здѣсь остановиться на описаніи грабежей. Обо всемъ этомъ достаточно много сказано въ легальныхъ газетахъ. Рабочіе первое время пытались организовать защиту отъ грабежей: пускалась въ ходъ сила, умоляли, просили, но ничто не помогало. Аппетиты разгорѣлись... Стихія побѣдила сознательность, рабочимъ пришлось съ горькимъ чувствомъ уйти. Многія дѣвушки работницы и интеллигентки плакали, ибо въ безуміи грабежа, въ яркомъ заревѣ разбушевавшагося пожара, блѣднѣли драгоцѣнные плоды историческаго дня. Настроеніе въ городѣ стало крайне тревожное; горѣли милліоны, горѣли люди, шли дикія оргіи. По всему небосклону неслись красно-огненныя облака, закрывая звѣзды... Все приняло зловѣще мрачный видъ. Въ это время раздался оглушительный взрывъ бомбы на Екатерининской площади. Израненно множество людей, главнымъ образомъ, казаки. Бросавшій неизвѣстенъ. Скоро послѣ взрыва раздался безъ всякаго повода залпъ. Залпъ былъ оглушительный и вызвалъ страшную панику. Вопли и крики давящихъ другъ друга людей, стоны раненыхъ, визгъ женщинъ — все это смѣшалось въ одинъ хаосъ смертельнаго ужаса. Залпъ вызвалъ много жертвъ. Вблизь находящуюся аптеку внесли много сильно изуродованныхъ людей. Были ли убитые, пока неиз-

мѣстно. Паника усилилась въ городѣ до крайней степени. Люди бѣгали, едва переводя духъ. А въ это время начался дикій разгулъ военной силы. Въ тысячи людей, грабившихъ склады, пускались въ теченіе ночи залпъ за залпомъ. Стрѣляли во всѣ стороны безъ всякаго направленія. Стрѣляли изъ ружей, изъ пулеметовъ. Всю ночь шла канонада, ужасы сгущались, казалось, сейчасъ все въ воздухѣ застынетъ и ужасъ на вѣки повиснетъ тяжелымъ грузомъ надъ измученной землей. Въ это время въ пламени жарились напившіеся дорогими винами босяки, на извозчикахъ неслись, дико гикая, громилы. Въ началѣ предмѣстья Молдаванки полиція совершенно открыто организовывала погромъ. Останавливали евреевъ и избивали, но большого распространенія это не приняло. Массы годныя для погрома были уже сыты грабежомъ въ порту. Это была самая ужасная ночь, и Одесса ее никогда не забудетъ. Въ Александровскомъ паркѣ, висящемъ надъ моремъ, въ это время собирались тысячи жителей, но къ утру власти окончательно обезумѣли и въ паркъ начали во всѣхъ направленіяхъ залетать пули, вызывая страшную панику.

Въ четвергъ утромъ пожаръ въ порту еще длился, долизывая остатки „національнаго богатства", которое грабили низшіе слои его производителей, въ которыхъ за это стрѣляли братья-солдаты...

День четверга ознаменовался новыми ужасами. Утромъ было зловѣще тихо. Всюду стояли солдаты. Народъ толпился маленькими кучками. Говорятъ тихо, шопотомъ. Лица измученныя тревожныя. Трамваевъ нѣтъ, магазины закрыты. А войска все прибываютъ, да прибываютъ. У всѣхъ такое впечатлѣніе, точно готовится новая Варфоломеевская ночь. Прошедшая ночь ужасовъ гнететъ душу, гнететъ мысль... Кажется, что все потеряно. Но это на время. Пока же разыгрываются новые ужасы. Вотъ въ тачкѣ рабочіе везутъ изувѣченныхъ, истекающихъ кровью товарищей. Кругомъ громкій плачъ, кладутъ на повозки мѣдяки, раздаются стоны, проклятья. Вдругъ налетаютъ казаки, раздаются нечеловѣческіе крики, зачастили выстрѣлы, быстро мчится лавина людей съ безумнымъ взоромъ, истерическіе крики женщинъ, дѣтей, вопли... И опять мертвенно тихо. Часамъ къ десяти по всѣмъ стѣнамъ расклеивается объявленіе о военномъ положеніи. Грозные взводы казаковъ, солдатъ двигаются медленно по улицамъ, въѣзжаютъ на тротуары. Смятеніе на лицахъ, тревога въ говорѣ. Въ этотъ день стрѣляютъ въ нѣсколькихъ пунктахъ. Стрѣляютъ безъ предупрежденія. Всюду раненые. Есть жертвы и среди дѣтей. На Полицейскомъ мосту убиты двѣ дѣвушки и ребенокъ. Городъ превращается въ сплошной лагерь. Всюду пикеты патрули. Солдаты лежатъ въ повалку, измученные, вялые. Видъ у нихъ ужасно жалкій. На Соборной площади нѣсколько тысячъ солдатъ. Разбито 50-60 палатокъ, дымятся кухни, слышно ржаніе коней; тутъ же моютъ портянки, бѣлье; кругомъ грязь, вонь, и въ этой грязи и вони, на страшномъ солнцепекѣ, молоденькіе солдатики... Тутъ же и канцелярія. Энергично работаютъ писаря, стучатъ „ремингтоны". Идутъ усиленные аресты, хватаютъ направо и налѣво. Въ участкахъ избиваютъ до крови. Въ участки никого не пропускаютъ: ни женъ, ни ма-

терей. Справокъ никакихъ не даютъ. А броненосецъ все стоитъ въ гавани. Теперь вся надежда, всѣ упованія вращаются исключительно вокругъ него. Рабочимъ становится ясно, что теперь немыслима какая-нибудь борьба на улицѣ, очевидно, что кромѣ жесточайшихъ кровопролитій, ничего въ результатѣ не будетъ. Въ этотъ же день происходятъ похороны убитаго на „Потемкинѣ" матроса. Въ морѣ хоронить его команда не хочетъ. Путемъ длинныхъ переговоровъ матросы, подлежащіе смертной казни за измѣну, получаютъ разрѣшеніе похоронить его въ городѣ, въ сопровожденіи 12 человѣкъ изъ команды, до того великъ страхъ властей передъ броненосцемъ. Къ сожалѣнію, организаціи не освѣдомлены о похоронахъ, и трупъ матроса сопровождаютъ въ началѣ всего нѣсколько сотъ человѣкъ. Многіе принимаютъ всю сцену похоронъ за мистификацію и уходятъ себѣ въ сторону.

Обратно до порта они прошли совершенно безпрепятственно. Но въ порту ихъ дальше не пускало уже военное начальство. Началась перестрѣлка. Было убито три матроса, одинъ раненъ, четверо было арестовано, а четверо спаслось. Матросы сдѣлались жертвой гнуснаго предательства. Они до того были увѣрены въ томъ, что переговоры ведутся не съ задней цѣлью, что, не смотря на грозившую имъ смертную казнь, они пустились въ городъ, они были высокаго мнѣнія о честности слова военнаго и они были жестоко обмануты. А на броненосцѣ ждали возврата товарищей. Еще до того, какъ началась перестрѣлка въ порту, истекъ срокъ ихъ возвращенія. Тогда съ броненосца было пущено два неразрывныхъ снаряда. Раздался страшный трескъ, и весь городъ охватила страшная паника. По характеру и силѣ удара мгновенно стало ясно, что это стрѣляютъ изъ броненосца. Начали рисоваться уже картины бомбардировки. Первымъ снарядомъ была снесена часть крыши и карниз въ домѣ Фельдмана почти въ центрѣ города. Домъ этотъ находится на разстояніи одного квартала отъ Соборной площади, гдѣ расположилась главная масса солдатъ и казаковъ. Послѣ удара началась паника среди солдатъ. Часть завели въ соборъ, другая осталась на площади въ смертельномъ страхѣ. Возможно, что цѣлились какъ разъ въ нихъ. Прицѣломъ могъ служить шпицъ собора. О мѣстѣ нахожденія солдатъ матросы могли знать. Вскорѣ послѣдовалъ второй еще болѣе громкій выстрѣлъ изъ орудія. Куда попалъ снарядъ, неизвѣстно. Впечатлѣніе отъ стрѣльбы броненосца было огромное. Теперь всѣ увидѣли, что такое броненосецъ. Настроеніе рабочихъ сильно поднялось. Чувство внушительной поддержки гиганта броненосца приподнимало всѣхъ. „О, онъ здорово умѣетъ стрѣлять", такъ говорили про себя всѣ. Вечеръ закончился твердой надеждой, что „онъ выручитъ". Безъ „него" теперь дѣйствительно стало немыслимо что либо предпринимать, и не будь броненосца, рабочіе стали бы на работу.

20 Іюня 1905 г. Одесская Группа Р. С.-Д. Р. П.

II.

1 Іюля.

Прошло уже нѣсколько дней послѣ крупныхъ историческихъ событій, пережитыхъ одесскимъ пролетаріатомъ, и пора подвести итоги... Необходимо разобраться въ этихъ событіяхъ, посмотрѣть, какую роль сыграла въ нихъ соціальдемократія, разобраться въ причинахъ нашихъ неудачъ, поскольку въ нихъ играли роль объективныя условія, и поскольку — наша неподготовленность...

Прежде всего, я постараюсь нарисовать картину развитія событій въ связи съ тактикой нашей организаціи (Одесской Группы).

Я уже писалъ, какъ, подъ вліяніемъ нашей организаціи, съ одной стороны, и съ другой — подъ вліяніемъ нищеты и голода, возникла продолжительная забастовка, въ концѣ истощившая рабочихъ, и какъ рабочая масса на Пересыпи все болѣе и болѣе революціонизировалась... Первой вспышкой этого настроенія была самопроизвольно возникшая революціонная демонстрація на Московской улицѣ... Цѣлый рядъ большихъ (на нѣкоторыхъ было до 600-700 рабочихъ) и малыхъ собраній, на которыхъ выступали наши ораторы, ясно показывалъ, что рабочая масса стала сознавать тѣ причины, которыя препятствовали ей вести успѣшно стачечную борьбу; всѣ политическіе лозунги встрѣчались ею прямо таки восторженно; точно такъ же выражалось желаніе бороться подъ руководствомъ нашей партіи за пролетарскіе идеалы. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, насколько глубоко проникло въ сознаніе рабочихъ, что вся ихъ борьба должна идти подъ руководствомъ нашей партіи; въ тотъ періодъ къ соціальдемократіи рабочіе относились съ полнымъ довѣріемъ, и лучшая часть передовыхъ рабочихъ вступила съ наши ряды. За послѣдніе дни стачки, когда уже становилось очевиднымъ, что она будетъ проиграна, среди передовыхъ рабочихъ возникла мысль объ устройствѣ всеобщей политической стачки. Эта агитація велась очень широко въ рабочей средѣ на Пересыпи и встрѣчала повсюду сочувственный откликъ, что особенно ярко было замѣтно на митингѣ у завода Гена. Что касается городскихъ рабочихъ, то тамъ настреніе было тоже подходящее; единственное сомнѣніе представлялъ Дальницкій районъ. За нѣсколько дней до начала событій было устроено собраніе наиболѣе передовой части пересыпскихъ рабочихъ, гдѣ этотъ вопросъ былъ *почти* окончательно рѣшенъ. Было рѣшено для окончательнаго выясненія устроить собраніе рабочихъ отъ всѣхъ заводовъ Одессы и тогда окончательно рѣшить вопросъ о призывѣ. Но арестъ уполномоченныхъ поднялъ всю Пересыпь, и бросили работу всѣ заводы, которые было приступили къ работѣ, получивъ значительныя уступки.

Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности сообщить для печати, почему событія у завода Гена—они первые выступили на Пересыпи — застигли насъ врасплохъ, и въ нихъ приняли участіе нѣкоторые товарищи лишь случайно...

Когда фактъ убійства двухъ рабочихъ донесся до насъ, мы рѣшили призвать рабочихъ ко всеобщей забастовкѣ. Этотъ ло-

зунгъ былъ данъ какъ нашей организацiей, такъ и „Бундомъ“. Въ понедѣльникъ въ городѣ началась уже съемка съ работъ. Настроенiе среди рабочихъ было сильно возбужденное. Митингъ на мосту ясно показалъ, что рабочiе сознательно готовы протестовать противъ тѣхъ политическихъ порядковъ, при которыхъ возможны такiе ужасы... Я уже описывалъ этотъ митингъ, и въ той рабочей массѣ, дѣйствительно, революцiонное настроенiе достигло своего апогея. На этомъ собранiи нашъ ораторъ призывалъ къ всеобщей стачкѣ.

Слѣдующiй день настроенiе слегка падаетъ... Съемка съ работъ продолжается... Но при первомъ появленiи полицiи толпа разбѣгается въ паническомъ страхѣ. Никогда не забуду, какъ трехтысячная толпа, направившаяся съ Пересыпи въ городъ, бѣжала отъ пяти-шести полицейскихъ, стрѣлявшихъ притомъ холостыми зарядами... Въ городѣ настроенiе было нѣсколько лучше, но и здѣсь всюду чувствовалось, что въ массѣ нѣтъ боевой готовности: или побѣдить, или умереть. Главнымъ элементомъ „революцiонныхъ“ актовъ (вродѣ постройки баррикадъ, довольно таки игрушечнаго свойства) являются подростки. На Дальникѣ въ этотъ день часть заводовъ, въ томъ числѣ и желѣзнодорожныя мастерскiя, продолжаютъ работать... Но все-таки, несомнѣнно, стачка разростается, и въ городѣ возбужденiе растетъ. Въ этотъ день выступаетъ первый дефектъ нашей организацiи (да не только нашей, а всѣхъ) — отсутствiе оружiя, необходимаго для дезорганизацiи правительственныхъ силъ и для отпора полицейской бандѣ. Рабочiе чувствуютъ свою безпомощность, и это въ значительной степени парализуетъ ихъ революцiонную энергiю... Со всѣхъ сторонъ раздается требованiе оружiя... На Пересыпи рабочiе прямо обвиняютъ организацiю въ томъ, что она не даетъ оружiя[1]). Безъ оружiя, говорятъ рабочiе, мы не можемъ выступать...

И, дѣйствительно, въ эти дни мы чувствовали свое безсилiе. Звать рабочихъ на митингъ безъ оружiя мы всѣ не считали себя въ правѣ — дѣйствiя полицiи въ городѣ насъ ясно убѣждали, что будетъ употреблена вооруженная сила, и безоружная толпа будетъ немедленно разсѣяна съ большими жертвами... Да и въ настроенiи большей части рабочихъ не было боевой готовности... Было рѣшено въ этотъ день придерживаться слѣдующей тактики: начать съемку съ работы во всѣхъ частяхъ города и двинуть всю массу къ Прохоровской улицѣ, гдѣ и открыть митингъ... Но этотъ планъ былъ разбитъ послѣ того, какъ была разсѣяна трехтысячная толпа, шедшая съ Пересыпи... На слѣдующiй день (въ среду) было рѣшено продолжать съемку съ работъ (стачка все еще не была всеобщей), а затѣмъ устраивать митинги тамъ, гдѣ возможно. Чувствовалось, что настроенiе идетъ на убыль...

Въ среду рано утромъ мы получили извѣстiе о прибытiи

[1]) Долженъ отмѣтить слѣдующее. До начала событiй „соц.-рев.“, съ цѣлью привлечь на свою сторону рабочихъ, обѣщали дать тысячу револьверовъ и утверждали, что у нихъ имѣется много бомбъ. Когда начались событiя, они совершенно скрылись, и это дало поводъ нѣкоторымъ рабочимъ говорить, что организацiя ...

броненосца... Я былъ тогда на Пересыпи и видѣлъ, какъ матросы объѣзжали берегъ и призывали рабочихъ идти въ портъ, куда они вынесутъ трупъ убитаго; тутъ же они раздавали прокламаціи къ казакамъ и войскамъ. Немедленно направился я къ товарищамъ и подѣлился съ ними важнымъ извѣстіемъ. Было рѣшено немедленно созвать представителей всѣхъ соц.-дем. организацій для выработки совмѣстныхъ дѣйствій. Послѣ долгихъ дебатовъ было рѣшено слѣдующее: немедленно отправить на броненосецъ депутатовъ отъ трехъ соц.-дем. организацій съ предложеніемъ части матросовъ (изъ всего числа 700-800 матросовъ мы разсчитывали на 500) выйти на берегъ съ оружіемъ. Вмѣстѣ съ трупомъ, всей толпѣ двинуться въ городъ, на Думскую площадь, съ тѣмъ, конечно, чтобы впереди толпы шли вооруженные матросы. На Думской площади устроить торжественныя похороны убитому товарищу. Послѣ похоронъ двинуться въ городъ и прекратить всѣ работы, торговлю... Послѣ этого (а можетъ, и раньше) завладѣть телефономъ, телеграфомъ, разрушить желѣзную дорогу съ цѣлью воспрепятствовать подвозу войска... По полученнымъ изъ военной группы свѣдѣніямъ, одна часть (около 250) солдатъ готовы присоединиться къ народу; въ другихъ частяхъ настроеніе было болѣе или менѣе благопріятное, особенно среди запасныхъ. Казаковъ было мало. Въ это время мы были извѣщены, что въ порту уже масса народу... Мы немедленно направились въ портъ. Мы шли бороться на баррикадахъ... Казалось, близокъ часъ побѣды... „Да здравствуетъ революція!" говорили мы другъ другу, разставаясь...

Въ порту мы были къ 12 часамъ. Первое, о чемъ нужно было позаботиться, это отправить депутатовъ къ матросамъ. Съ большимъ трудомъ намъ удалось найти лодку, и трое товарищей отправились въ путь.

Оказалось, что уже съ десяти часовъ утра въ порту тысячи народа. Уже смѣнилось нѣсколько ораторовъ, рѣчи которыхъ были встрѣчены восторженно. Многіе говорили надъ трупомъ убитаго, другіе на особо устроенныхъ возвышеніи. Настроеніе среди толпы возбужденное. Вотъ издали показывается катеръ съ матросами. Толпа устремляется къ берегу и долго долго привѣтствуетъ героевъ-матросовъ... Изъ толпы раздается: „смерть убійцамъ"! и этотъ лозунгъ находитъ могучій отклакъ въ толпѣ... „Слава погибшему", — и могучее „ура" оглашаетъ воздухъ...

Казалось бы, настроеніе очень хорошее. Но вотъ откуда-то раздается крикъ[1]): „казаки"! и толпа въ паническомъ ужасѣ бросается въ сторону... Мы напрягаемъ всѣ усилія, чтобы остановить ее. Толпа успокаивается. Проходитъ немного времени, и снова разыгрывается такая же сцена. Видно, революціонное настроеніе и здѣсь не достигло той ступени, когда и казацкія пули не страшны, когда толпа вдохновлена однимъ лишь порывомъ — или побѣдить, или умереть. Чувствуется въ каждомъ ея поступкѣ, что нѣтъ въ ней боевой готовности! Всматриваясь въ толпу, въ ея настроеніе, мы начинаемъ понимать, что...

На „Потемкинѣ“.

Чѣмъ больше мы среди нея находились, тѣмъ больше мы убѣждались въ правотѣ своего анализа. Рядъ инцидентовъ, происшедшихъ за этотъ періодъ, лишь подтверждалъ это мнѣніе почти всѣхъ товарищей. Но мы ждали отвѣта съ броненосца. Спустя часа два, вернулся одинъ товарищъ и сообщилъ, что матросы отказались принять нашъ планъ. Они заявили, что они не могутъ оставить броненосца и ждутъ прибытія остальной эскадры, которая — по ихъ словамъ — безусловно къ нимъ присоединится. Только послѣ прибытія остальной эскадры они приступятъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Нашъ планъ былъ разбитъ... Спустя нѣкоторое время, мы обратились къ рабочимъ съ предложеніемъ закрыть митинги, сообщивъ отвѣтъ съ броненосца...

* * *

Въ послѣдніе дни „опытные" въ военномъ дѣлѣ люди говорили, что матросы поступили вполнѣ правильно, такъ какъ съ переходомъ 500 человѣкъ изъ команды на берегъ броненосецъ потерялъ бы въ громадной степени свою боевую силу. Да и сами матросы говорили, что „только на морѣ они сила"... Мы и до сихъ поръ глубоко убѣждены, что для *успѣха возстанія* переходъ матросовъ на берегъ могъ имѣть рѣшающее значеніе. Если принять во вниманіе сочувственное настроеніе большей части войскъ (часть ихъ выражала готовность присоединиться къ матросамъ), небольшую численность ихъ въ этотъ день, съ одной стороны, а съ другой — настроеніе народа и полную растерянность правительственныхъ чиновниковъ, нетрудно представить себѣ, что при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ выступленіе матросовъ съ народомъ могло завершиться побѣдой народа. Къ сожалѣнію, матросы были другого мнѣнія и предложенный товарищами планъ былъ встрѣченъ несочувственно. Считаю необходимымъ отмѣтить, что вообще къ соціальдемократамъ матросы отнеслись въ высшей степени довѣрчиво и даже попросили удалиться явившагося на броненосецъ соціалиста-революціонера, заявивъ, что рабочей партіей они признаютъ только соціалъ-демократическую. Изъ бесѣдъ съ матросами ясно было, что никакого опредѣленнаго плана у нихъ не было, какъ не было и достаточнаго пониманія задачъ возстанія. Не буду описывать собраній, которыя происходили на броненосцѣ; это не входитъ въ задачу настоящей статьи. Перейду къ описанію дальнѣйшихъ шаговъ организацій.

Послѣ того, какъ мы дали лозунгъ расходиться, большая часть рабочихъ направилась небольшими группами въ городъ. Расходясь, рабочіе запѣли „Варшавянку", но мы обратились къ нимъ съ просьбой идти „мирно", дабы не вызвать столкновенія съ казаками. Когда мы возвращались изъ города, по дорогѣ мы встрѣчали длинныя вереницы направлявшейся въ портъ публики. Все это, въ громадномъ большинствѣ, *была мѣщанская, обывательская публика.* Это было уже около $3^1/_2$ часовъ дня. Въ 5 часовъ было назначено собраніе трехъ организацій. Собравшись, мы прежде всего выслушали отчетъ нашихъ депутатовъ, бывшихъ на броненосцѣ и затѣмъ подводили итогъ нашимъ впечатлѣніямъ о настроеніи народа. Не вдаваясь въ подроб-

ности, замѣчу, что общее впечатлѣніе говорило за то, что въ массѣ не замѣчалось рѣзко боеваго настроенія... Но можно съ увѣренностью сказать, что появленіе матросовъ на берегу воодушевило бы народъ.

Въ городѣ въ этотъ день было спокойно: онъ совершенно пустовалъ. Въ этотъ день стачка стала, дѣйствительно, всеобщей; всякая дѣятельность, кромѣ полицейской, пріостановилась... Обсудивъ положеніе вещей, организаціи рѣшили отправить снова товарищей на броненосецъ для переговоровъ съ матросами съ предложеніемъ координировать наши дѣйствія съ ихъ дѣйствіями и затѣмъ предложить имъ не бомбардировать города безъ нашего согласія. Въ городѣ мы сохранили лозунгъ всеобщей забастовки. Какъ видите, положеніе было довольно неопредѣленное, да оно и не могло быть инымъ, такъ какъ *большее* зависѣло отъ броненосца, который пока еще дѣйствовалъ совершенно самостоятельно.

Къ этому же времени стали приходить извѣстія о начавшемся разгромѣ въ Порту. Мы были всѣ убиты этимъ извѣстіемъ... Какъ выяснилось впослѣдствіи, къ этому времени публика, находившаяся въ порту, состояла почти исключительно изъ босяковъ и обывателей; всѣ утверждаютъ, что рабочихъ тамъ было очень немного. Разгромъ начался съ монополій и винныхъ складовъ еще съ четырехъ часовъ. Болѣе рѣшительные размѣры онъ принялъ — *по словамъ товарищей, тамъ находившихся* — послѣ рѣчи какого-то господина. Привожу со словъ товарищей почти дословно одно мѣсто изъ его рѣчи: „Товарищи, — обратился онъ къ толпѣ — вы голы?" — Толпа отвѣчаетъ; „голы, голы" — Вотъ, продолжаетъ онъ — лежатъ склады одежды, созданные вашимъ трудомъ и вамъ принадлежащіе... Товарищи, вы голодны?" — „Голодны, голодны", — отвѣчаетъ толпа и „ораторъ" снова указываетъ на склады... Босяцкая масса легко восприняла данный ей лозунгъ, тѣмъ болѣе, что по своей „природѣ" она уже была настроена соотвѣтствующимъ образомъ... Попытки бывшихъ тамъ рабочихъ остановить разгромъ кончились неудачей. Слѣдуетъ отмѣтить, что масса босяковъ, главнымъ образомъ, набросилась на водку, на вино и перепилась до безчувствія. Рабочіе, чтобы воспрепятствовать пьянству, скатывали вино въ море... Когда мы, часамъ къ девяти, вышли изъ квартиры, портъ горѣлъ и городъ былъ залитъ краснымъ огненнымъ свѣтомъ... Какой-то ужасъ невольно захватывалъ душу... Тревожное настроеніе достигло въ городѣ своего апогея, народъ высыпалъ на улицу и каждый въ ужасѣ думалъ о завтрашнемъ днѣ... Всю ночь городъ не спалъ...

Въ портъ были направлены всѣ бывшія въ городѣ войска. Я остановлюсь теперь нѣсколько подробнѣе на той роли, которую играли во все время событія войска мѣстнаго гарнизона. Замѣчу сейчасъ же, что конспиративныя причины не даютъ мнѣ возможности сообщить нѣкоторыя весьма характерныя данныя для настроенія въ войскѣ. Несомнѣнно, что войска относились съ полнымъ сочувствіемъ къ возставшему народу. Мнѣ извѣстенъ цѣлый рядъ фактовъ ...

полку двѣ роты совсѣмъ отказались выходить. Въ одной ротѣ офицеръ обратился съ рѣчью къ солдатамъ, въ которой нарисовалъ картину современныхъ бѣдствій Россіи и сказалъ: „Солдаты, вы люди сознательные и вы должны знать, какъ поступать!..“ Во время постройки баррикадъ одна рота совсѣмъ отказалась стрѣлять, изъ другой стрѣляли ...*шесть солдатъ вверхъ!* Въ порту изъ 16 ротъ стрѣляли лишь двѣ, изъ которыхъ одна рота стрѣляла вверхъ. Въ ней нашлось лишь девять защитниковъ царя. Другіе солдаты прямо повыбрасывали патроны и просто отступали... Словомъ, несомнѣненъ для насъ фактъ *сочувственнаго* отношенія солдатъ. И если было такъ много жертвъ въ порту, то они явились результатомъ не *солдатскихъ* пуль, а полицейскихъ и казацкихъ, а, главнымъ образомъ, жертвой пожара. По свѣдѣніямъ портовой администраціи, погибло около 1200 человѣкъ. Убитыхъ и раненыхъ тамъ около 200 человѣкъ.

Но настроеніе войска сильно измѣнилось, когда толпа бросала въ нихъ камнями. „Мы ждали призыва присоединиться—говорили массовые солдаты, — намъ говорили, что народъ за насъ... а что же?...въ насъ камнями бросали“...

По словамъ солдатъ, въ нихъ стрѣляли, но по увѣренію сознательныхъ, эта стрѣльба была организована полиціей, съ понятными цѣлями...

Солдаты пробыли въ порту всю ночь. Къ утру стали прибывать въ городъ свѣжія войска... Днемъ городъ обратился въ военный лагерь. Во многихъ мѣстахъ были разставлены пушки и пулеметы. Полицейскіе расклеиваютъ приказъ объ объявленіи города на военномъ положеніи. По городу начинаютъ циркулировать всевозможные слухи о броненосцѣ; упорно говорятъ о скорой бомбардировкѣ... Весь городъ бастуетъ.

Е. — а.

III.

Некрологъ.

„Жилъ ты не долго, но честно
На славу родной сторонѣ...“

Одесса. 12-го іюня, на баррикадахъ на Пересыпи палъ отъ вражеской пули нашъ товарищъ Николай Медвѣдевъ (по нелегальному паспорту). Сынъ крестьянина, родился въ 1881 г., въ Самарской губерніи; до 19 лѣтъ оставался въ деревнѣ, гдѣ успѣлъ кончить курсъ сельской школы, получилъ небольшое развитіе отъ книгъ, прочитанныхъ имъ; увлекся евангеліемъ, свободное толкованіе котораго сдѣлало его сперва штундистомъ; преслѣдуемый правительствомъ за сектанскую пропаганду, онъ сдѣлался потомъ ярымъ врагомъ самодержавія. Въ Самарѣ сдалъ экзаменъ на званіе „инструктора“ для поступленія во флотъ. Служилъ онъ въ черноморской эскадрѣ на броненосцѣ „Екатерина II“, который находился въ Севастополѣ. Здѣсь онъ подпалъ подъ вліяніе соціальдемократической агитаціи, и сдѣлался вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ. Ученіе соціальдемократіи дало вполнѣ ясные и опредѣленные отвѣты на всѣ вопросы, волно-

вавшіе эту любознательную натуру. Опредѣлившись, онъ сталъ заниматься агитаціей среди матросовъ; своею искренностью, простотою, убѣжденностью, честностью, своимъ товарищескимъ отношеніемъ, онъ служилъ для матросовъ примѣромъ, онъ увлекалъ ихъ. Всегда во всѣхъ столкновеніяхъ съ начальствомъ онъ былъ впереди, во время бунта 8000 матросовъ онъ былъ однимъ изъ вожаковъ; здѣсь былъ арестованъ, лишенъ званія „инструктора" и преданъ военному суду; просидѣвши 4 мѣсяца въ тюрьмѣ, былъ выпущенъ до суда (20 іюня с. г. судъ долженъ былъ состояться). Не желая сдаваться въ руки врага, стремясь всѣми фибрами своей честной революціонной души къ борьбѣ съ царизмомъ, онъ рѣшилъ перейти на нелегальное положеніе. Получивъ отъ Севастопольской организаціи паспортъ на имя Николая Медвѣдева, онъ пріѣхалъ въ Одессу. Вошелъ къ намъ въ организацію, гдѣ я впервые съ нимъ познакомился. Ростомъ и тѣлосложеніемъ — богатырь, лицомъ — некрасивый, рѣчью — некраснорѣчивый, — онъ приковывалъ къ себѣ за то простотою, своею искренностью, убѣжденностью, своею скромностью и глубоко продуманной рѣчью. Въ Одессѣ онъ поступилъ на кирпичный заводъ чернорабочимъ. Здѣсь завелъ связи со всѣми кирпичными заводами, гдѣ работаютъ пришлые крестьяне, устраивалъ кружки, „массовки". Во время общей пересыпской забастовки, благодаря его работѣ, забастовали и кирпичники. Заподозрѣнный въ агитаціи, былъ арестованъ, просидѣлъ двѣ недѣли въ участкѣ, послѣ чего былъ освобожденъ, но паспортъ нелегальный оставленъ въ полиціи. Со дня выхода изъ участка онъ ведетъ „уличную" агитацію среди бастующихъ пересыпцевъ, заводитъ знакомства, организуетъ собранія и т. под. Скоро всѣмъ сталъ извѣстенъ „Ѳедоръ-кирпичникъ" (такъ прозывали его), какъ хорошій и вѣрный товарищъ. Такъ какъ полиція могла раскрыть его, то было предложено ему (съ новымъ паспортомъ) уѣхать изъ Одессы, но онъ не согласился. „Какъ такъ, товарищи собираются въ походъ (на борьбу), я ихъ тоже звалъ все время на борьбу, самъ ея жаждалъ, а теперь, когда день уже товарищами назначенъ (12—13 іюня), теперь я уѣду?!.. Нѣтъ, это безсмыслица!" Онъ оставался работать. 11 іюня у насъ было собраніе далеко за городомъ, куда я пошелъ съ Ѳедоромъ. Дорогою онъ мнѣ разсказалъ свою вышеприведенную біографію, говорилъ о работѣ соц.-дем. среди матросовъ и предсказывалъ, что матросы во всякое время готовы перейти на сторону борющагося народа.

11 іюня онъ разсказывалъ свою біографію, 12 онъ былъ убитъ. 11 іюня онъ предсказывалъ переходъ матросовъ на сторону народа, 13 — это совершилось...

12 іюня во время столкновенія рабочихъ съ вооруженнымъ отрядомъ казаковъ, Ѳедоръ стоялъ впереди всѣхъ и выше всѣхъ, на вышкѣ груды камней, откуда металъ вмѣстѣ съ остальными товарищами камни. Пули свистали надъ головой его, но онъ не обращалъ вниманія. Онъ тамъ оставался на посту до послѣдней минуты жизни своей. Лишь пуля, попавшая въ сердце, заставила этого богатыря смириться...

Преданность рабочему движенію, социальдемократическая сознательность, мужество, непримиримая борьба и геройская

класса... Вѣчная память тебѣ, дорогой товарищъ!.. Миръ праху твоему!..

IV.

Одесса. Вторникъ утромъ. (Собраніе рабочихъ у завода Гена). Часамъ къ восьми къ заводу Гена стали стекаться рабочіе. Пришли также и городскіе рабочіе... Собрались сюда, чтобы порѣшить, что дѣлать... Небольшими кучками рабочіе обсуждаютъ этотъ вопросъ... Но вотъ изъ толпы отдѣляются уцѣлѣвшіе послѣ ареста „выборные" и начинаютъ межъ собой бесѣдовать. Въ это время къ толпѣ подъѣзжаетъ фабричный инспекторъ. Онъ подходитъ къ „выборнымъ" и вступаетъ съ ними въ бесѣду... Спустя минутъ пять, изъ среды выборныхъ встаетъ одинъ рабочій и обращается къ толпѣ съ приблизительно слѣдующей рѣчью: „Товарищи! Къ намъ явился фабричный инспекторъ. Мы потребовали, чтобы освободили нашихъ товарищей, вчера арестованныхъ, и отдали бы намъ дорогіе трупы... Фабричный инспекторъ прямо издѣвается надъ нами, разсказываетъ какія то басни... Товарищи! Мы должны потребовать, чтобы освободили нашихъ товарищей и отдали трупы убитыхъ, чтобы мы сами могли похоронить ихъ..." Изъ толпы раздаются возгласы: „Долой его" (фабричн. инспектора), „пусть убирается". Фабричный инспекторъ удаляется. Выборные начинаютъ межъ собой совѣщаться и, спустя минутъ десять, одинъ изъ нихъ выступаетъ съ приблизительно слѣдующей рѣчью: „Господа! Мы, выборные, предлагаемъ вамъ сказать свое рѣшеніе, согласны ли вы идти за нами?" — „Согласны, согласны" — отвѣчаетъ толпа. „Господа! Насъ вчера подвела подъ выстрѣлы организація... Мы не должны этого допускать... Рабочіе должны сами руководить своими дѣлами. И теперь среди насъ не должно быть постороннихъ. Вы сами должны слѣдить за этимъ, чтобы никто не разбрасывалъ прокламацій, не выкидывалъ краснаго знамени и не кричалъ „долой самодержавіе". Тогда мы, выборные, согласны быть вашими руководителями. Если нѣтъ, то мы всѣ уйдемъ" — „Согласны, согласны" — раздается съ разныхъ сторонъ... „Господа! — продолжаетъ тотъ же рабочій (зубатовецъ) — мы должны потребовать освобожденія нашихъ выборныхъ... Мы всѣ должны пойти въ городъ. Если въ насъ будутъ стрѣлять, мы не должны разбѣгаться... Впереди васъ пойдутъ выборные и вы должны слушаться ихъ команды. Согласны?" „Согласны, согласны" — раздается отвѣтъ.

Послѣ этого „зубатовца" выступаетъ другой рабочій. Онъ протестуетъ противъ нападокъ на организацію, говоритъ, что дѣло однихъ шпіоновъ „удалять" соціальдемократовъ и т. д. Онъ высказывается противъ предложенія идти въ городъ безоружными, идти прямо подъ солдатскія пули и также обращается къ рабочимъ — согласны ли они съ нимъ и — ко всеобщему удивленію — со всѣхъ сторонъ кричатъ: „согласны, согласны". Въ это время среди выборныхъ происходятъ какія то споры. Одинъ товарищъ дѣлаетъ попытку начать говорить; „зубатовцы" не пускаютъ, дѣло чуть не доходитъ до драки... Но вотъ выступаетъ „знаменитый" зубатовецъ Вишняковъ. Онъ начинаетъ жаловаться рабочимъ, что его — не смотря на всѣ

его заслуги передъ рабочими,—выкинули изъ числа выборныхъ и даже „забросали грязью". Онъ презрительно говоритъ о толпѣ, — „она сама не знаетъ, чего хочетъ". „Рѣчь" этого господина производитъ крайне непріятное впечатлѣніе на всѣхъ, вызывая въ толпѣ недовольство. Постепенно она начинаетъ расходиться. Выборные, замѣтивъ это, начинаютъ протестовать и, въ концѣ концовъ, уходятъ... Недовольство среди толпы все увеличивается... Съ большимъ трудомъ удается взобраться на возвышенное мѣсто одному товарищу... „Зубатовцы" не хотятъ его пустить говорить, онъ обращается къ рабочимъ съ просьбой дать ему слово. „Говорите, говорите"—отвѣчаетъ толпа. Онъ начинаетъ съ протеста противъ всѣхъ нападокъ на соціаль-демократовъ, указываетъ на всю безсмысленненность подставлять свою грудь подъ солдатскія пули, не будучи совершенно вооруженными. Онъ призываетъ всѣхъ рабочихъ къ всеобщей стачкѣ и, указавъ на то, что часть заводовъ еще работаетъ, предлагаетъ идти снимать съ работы. Снова происходятъ столкновенія между соціаль-демократами и „зубатовцами"... Наконецъ, „зубатовцы" удаляются со сцены и слово беретъ товарищъ. Онъ предлагаетъ прекратить всѣ споры и идти снимать. Всѣ соглашаются и рабочіе направились къ заводу Шполянскаго... Снимать направилось 1500-2000 человѣкъ.

V.

Одесса 16 Іюня. Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго, слышаннаго, пережитаго. Въ спокойной и мирной одесской гавани, на берегу неподвижнаго моря, я видѣлъ другое море, море людей, бурное море негодующаго, возмущеннаго народа. Я видѣлъ взрывы восторга, взрывы радости, которые овладѣли всѣми, отъ мала до велика, при видѣ возставшихъ противъ вѣкового насилія во имя новой свободы.

Я шелъ съ Соборной площади, полной еще слѣдовъ вчерашней бомбы, которая усѣяла въ разныхъ мѣстахъ мостовую и бѣлыя стѣны собора черной полицейской кровью. Отъ маленькаго мальчика я услышалъ, что въ гавани бунтуютъ военные матросы.

Вотъ я и въ гавани. Рѣка народа движется къ краю мола. Послѣ города, полнаго войска, казаковъ, полиціи, съ звѣрскимъ ожесточеніемъ избивающей на право и на лѣво, поражаетъ полное отсутствіе охранителей тьмы. Городовыхъ не видно даже на обычныхъ постахъ, кругомъ почти одни портовые рабочіе и лица у всѣхъ одухотворенныя, все кругомъ полно оживленія, всѣ говорятъ.

Рядомъ со мною старикъ. Онъ босъ, на немъ отрепья, но онъ чувствуетъ себя на высотѣ положенія и старается перекричать другихъ.

„Такъ помните, господа, какъ появятся казаки или полиція, всѣ въ сторону, а матросы сказали, какъ увидятъ: народъ въ сторону бѣжитъ, они сейчасъ свои мѣры примутъ. Утромъ, какъ пріѣхали казаки за трупомъ, а они имъ: либо къ намъ переходите, либо убирайтесь, а не то стрѣлять будемъ — ну! тѣ и назадъ, да такъ назадъ, что [illegible]

Старикъ бѣжитъ дальше передать инструкцію матросовъ.

„Смотри! вонъ онъ стоитъ, броненосецъ, на рейдѣ".

Я смотрю на гладкую морскую поверхность. Гигантъ броненосецъ стоитъ совсѣмъ близко. Видно, какъ отъ него отдѣляется катеръ.

„Они еще вчера пришли. Значитъ, терпѣнье лопнуло. Какъ же такъ можно, человѣка за ничто взялъ и убилъ. Что хотятъ, дѣлаютъ, къ людямъ хуже, чѣмъ къ собакамъ. Ну какъ застрѣлилъ онъ матроса, команда то и взбунтовалась. Значитъ, довольно терпѣть, довольно, значитъ, надъ нами начальство издѣвалось, долой его, значитъ. Ну, начальство за бортъ. Мичмана оставили, который хорошій, сами плаваютъ, сами и командуютъ".

У паренька блестятъ глаза и онъ бы еще долго и много разсказывалъ, но слушаютъ уже другого.

„Ажъ теперь свободы добьется рабочій человѣкъ, онъ хочетъ, чтобы не работатъ ему задаромъ, чтобы ему свобода была, чтобы ему вѣра была, какъ человѣку, и чтобы онъ могъ правды добиться. Какъ же такъ можно? Полиція тебя ни за что бьетъ, а ты молчи, полиціи вѣра есть, а тебѣ нѣтъ, а жаловаться некому".

Но его уже тоже не слушаютъ, это съ полуслова всѣмъ такъ понятно, всѣ такъ глубоко это чувствуютъ, горечи и обиды столько накипѣло, что много говорить объ этомъ не приходится. И слушатели, и разсказчикъ, и все море головъ уже машутъ шапками, кругомъ слышно громовое „ура" такое же „ура" несется съ медленно проходящаго мимо насъ угольнаго парохода, на немъ масса людей, его ведетъ къ броненосцу на буксирѣ миноносецъ. Мальчишка лѣтъ 13 привлекаетъ теперь къ себѣ вниманіе. Онъ былъ на угольномъ пароходѣ.

„Они прямо подошли и пароходъ забрали, говорятъ: мы даромъ не хотимъ, за весь уголь заплатимъ. У насъ деньги есть. А народъ пригласили поѣхать уголь выгружать. Всѣ вызвались, людей полный пароходъ".

„Вонъ, товарищи, палатка. Тамъ онъ, убитый матросъ!"

Звонкій женскій голосъ пронесся, полный глубокаго чувства. Барышня шла среди „босяковъ", какъ товарищъ. Они были родные и близкіе.

Передъ нами палатка. Это скрѣпленіе изъ нѣсколькихъ столбовъ, покрытое брезентомъ. Вокругъ море людей.

Я въ палаткѣ. На носилкахъ лежитъ убитый. Молодое лицо сохранило впечатлѣніе страданія и является символомъ мученичества отъ произвола и насилія, всѣмъ понятнымъ, всѣхъ возмущающимъ до глубины души; военный флагъ прикрываетъ его до груди, на груди листъ бумаги съ надписью:

„Товарищи! Смотрите. Передъ вами трупъ звѣрски убитаго матроса Григорія Вакулинчика. Онъ убитъ старшимъ офицеромъ эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій" за то, что сказалъ, что борщъ не хорошій. Миръ праху твоему! Осѣнимъ себя крестнымъ знаменіемъ и поклянемся свергнуть насильниковъ и добиться свободы.

Да здравствуетъ свобода!

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій"

Это читаетъ вслухъ одинъ изъ пришедшихъ по просьбѣ неграмотныхъ. Въ его голосѣ дрожатъ рыданія, всѣ безъ шапокъ, на многихъ рѣсницахъ видны слезы. Около убитаго горятъ восковыя свѣчи, а подлѣ стоятъ два матроса. Они не вооружены и охраняютъ товарища только силой сознанія, что свои не дадутъ въ обиду.

Я вышелъ изъ палатки, и вотъ я на самомъ краю пристани. Отдѣлившійся отъ броненосца катеръ съ поразительной быстротой подходитъ къ берегу. Всѣ машутъ шапками и кричатъ „ура". На катерѣ даютъ знакъ, что хотятъ говорить. Воцаряется тишина.

„Товарищи, передайте, чтобы намъ всѣ помогали. Теперь намъ нужно приготовить прѣсную воду. За провіантъ мы будемъ платить. У насъ около 170 тысячъ. Мы никого не боимся и вы никого не бойтесь. У насъ пушки, ружья, ручныя гранаты — все. Будьте за насъ, а мы за васъ".

Катеръ отчаливаетъ. Кругомъ кричатъ „ура" и машутъ шапками. Крайній матросъ кричитъ:

„Мы за рабочихъ!"

Оживленіе толпы не поддается описанію. Съ удаляющагося катера слышны голоса матросовъ:

„Мы за свободу!"

VI.

Прокламація Одесской Группы Р. С.-Д. Р. П.

„Граждане и гражданки! Съ прибывшаго эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій" мы получили слѣдующее воззваніе, положенное на тѣло убитаго матроса, лежащаго въ порту:

„Господа Одесситы! Передъ вами лежитъ тѣло звѣрски убитаго матроса Григорія Вакулинчика [1]), убитаго старшимъ офицеромъ эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій" за то, что Вакулинчикъ заявилъ, что „борщъ не годится". Осѣнимъ себя крестнымъ знаменемъ и скажемъ "миръ праху его". Отомстимъ кровожаднымъ вампирамъ! Смерть угнетателямъ! Смерть кровопійцамъ! Да здравствуетъ свобода!

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій".

„Одинъ за всѣхъ, — всѣ за одного".

Утромъ къ матросамъ явилась вся мѣстная высшая администрація и потребовала выдачи трупа. Матросы отвѣтили, что трупъ принадлежитъ народу, и только онъ можетъ имъ распоряжаться. Администрація удалилась. Прибывшимъ казакамъ команда предложила присоединиться къ нимъ или уйти, иначе они откроютъ пальбу изъ пушекъ. Казаки удалились...

Граждане и гражданки! Мы всѣхъ васъ зовемъ присоединиться ко возставшему народу!

Одесская Группа Р. С.-Д. Р. Партіи.

Одесса. Прокламація матросовъ, распространенная ими на берегу:

Матросы „Князя Потемкина обращаются къ вамъ солдаты и казаки, складывайте свое оружіе и дайте всѣ — подъ общей кровлей — завоюемъ свободу всему народу.

Мирныхъ же жителей города Одессы просимъ выѣхать подальше, такъ какъ въ случаѣ принятія противъ насъ насильственныхъ мѣръ, превратимъ Одессу въ груду камней.

Организація матросовъ „кн. Потемкина".

Отъ команды броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій". Просимъ немедленно всѣхъ казаковъ и армію положить оружіе и соединиться всѣмъ подъ одну крышу на борьбу за свободу, пришелъ послѣдній часъ нашего страданія, долой самодержавіе! У насъ уже свобода, мы уже дѣйствуемъ самостоятельно, безъ начальства. Начальство истреблено. Если будетъ сопротивленіе противъ насъ, просимъ мирныхъ жителей выбраться изъ города. При сопротивленіи городъ будетъ разрушенъ.

(Печатано въ типографіи Одесской Группы Р. С.-Д.Р. П.).

VII.

Одесса. Похороны убитаго матроса. Торжественную картину представляли похороны убитаго на броненосцѣ матроса Григорія Вакуленчика. Произошли они совершенно неожиданно какъ для организаціи, такъ и для всего населенія. Послѣ объявленія города на военномъ положеніи, послѣ массовыхъ разстрѣловъ въ порту и на улицѣ, никто не предполагалъ, что администрація допуститъ похоронное шествіе черезъ весь городъ. Но, видно, слишкомъ была сильна боязнь администраціи передъ грознымъ пришельцемъ, такъ дрожали они при мысли о бомбардировкѣ города и дезорганизаціи войскъ, что... согласились на эту опасную игру.

Матросы требовали, чтобы допущены были къ похоронамъ 100 матросовъ съ винтовками. Администрація согласилась, предварительно гарантировавъ неприкосновенность личности матросовъ, чтобы тѣло сопровождало не болѣе 12 человѣкъ безъ оружія. По условію, матросы должны были вернуться не позже 7-7½ вечера. Я столкнулся съ похоронной процессіей въ 5 час. дня, на углу Преображенской и Почтовой. За медленно двигающимся катафалкомъ шли 12 матросовъ, за ними шествовала толпа человѣкъ въ 500-600 рабочихъ съ пѣвчими и священникомъ. Шествіе производило глубокое впечатлѣніе.

Напряженные, измученные за эти дни нервы, не могли, казалось, не поддаться новому сильному впечатлѣнію. Мужчины и женщины, молодые и старые, рыдали...

За процессіей не слѣдовало никакой стражи, но вдоль почти всей Преображенской ул. отъ порта до Успенской церкви выстроились въ ряды съ обѣихъ сторонъ войска. При прохожденіи процессіи солдаты отдавали честь, снимали шапки и крестились. Возлѣ Успенской церкви священникъ остановился служить литургію. Какъ только катафалкъ двинулся, спѣшившаяся рота солдатъ, подъ командой пристава, врѣзалась въ процессію и отрѣзала всю толпу отъ гроба. Въ тотъ же моментъ рота повернулась лицомъ къ толпѣ, дала по приказу пристава,

безъ всякаго предупрежденія, залпъ. Трудно описать тотъ безумный ужасъ, который овладѣлъ этой мирной толпой. Вмигъ не осталось ни одного человѣка на мѣстѣ. Залпъ былъ холостой и не причинилъ никому вреда.

Такъ какъ я шелъ рядомъ съ матросами, то я очутился въ числѣ 20—25 человѣкъ оставшихся еще у гроба. Катафалкъ остановился. Трое матросовъ отдѣлились и направились къ приставу, но онъ, какъ звѣрь, заревѣлъ: „идите, идите впередъ, а то буду стрѣлять“! Матросы, постоявъ съ минуту, двинулись впередъ. Немедленно съ боковыхъ улицъ стали стекаться все новыя и новыя толпы. Мы шли безпрепятственно до чумной горы, но здѣсь уже вмѣсто прежнихъ 500 человѣкъ было уже 3000 чел. Подойдя къ водопроводной станціи, мы вновь увидѣли двѣ роты солдатъ.

Едва толпа миновала переулокъ, какъ стоявшая тамъ рота съ ружьями на перевѣсъ, быстрымъ шагомъ выстроилась во всю ширину дороги.

У насъ, видѣвшихъ первую сцену, мелькнула мысль, что это повтореніе ея, съ той только разницей, что здѣсь намъ устроена засада, и что въ толпу будутъ стрѣлять сзади и справа. Немедленно трое изъ насъ подошли къ офицеру для переговоровъ. Онъ насъ успокоилъ, сказавъ, что рѣшительно ничего не хочетъ предпринимать, что ему приказано только подождать процессію и отдать ей честь... Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ тутъ же обратился къ офицеру второй роты и сказалъ: „Послушайте, кажется, наша миссія кончилась и можно разойтись по домамъ“. „Ваша — да, но моя — нѣтъ, я долженъ охранять водопроводъ“, — отвѣтилъ другой.

Процессія двинулась впередъ и минутъ черезъ 10 достигла кладбища.

Здѣсь толпа навзрыдъ рыдала. Самые сильные, закаленные нервы не могли бы выдержать...

Два оратора въ сильныхъ рѣчахъ указывали на значеніе пережитыхъ дней, они призывали къ борьбѣ, къ борьбѣ до побѣдоноснаго конца...

Могилу засыпали; грустное, тяжелое настроеніе совершенно смѣнилось бодрымъ, такимъ, какимъ люди идутъ, готовые умереть въ борьбѣ. Бодрые, настойчивые возгласы: „долой самодержавіе“ подхваченные всей толпой, звали къ новой лучшей жизни.

Недоумѣвавшихъ ранѣе, казалось, пришибленныхъ матросовъ трудно было узнать. „Никогда, никогда, говорили они, мы этого не забудемъ... Сегодня же мы разскажемъ нашимъ товарищамъ, какою славной смертью умеръ погибшій нашъ товарищъ, какъ весь народъ стоитъ за насъ и съ нами“.

Обратная дорога съ кладбища въ городъ на извощикахъ была сплошной оваціей для матросовъ. Тысячныя толпы привѣтствовали ихъ по всему пути...

Было уже 7½ час. и товарищи ихъ на броненосцѣ безпокоились за ихъ участь. Какъ уже было сказано, матросамъ была гарантирована неприкосновенность личности. Но едва они доѣхали до пристани, какъ какой-то полицейскій приказалъ

„Потемкинъ“ въ Θеодосіи.

Θеодосія, 22 іюня. Вчера распространился слухъ, что прибудетъ броненосецъ „Потемкинъ Таврическій“. Населеніе встрѣтило это довольно спокойно. Сегодня, въ 7 час. утра, стали на якорь броненосецъ, миноноска и катеръ. Населеніе всполошилось. Начали ходить разные толки, которые вызвали нѣкоторыя опасенія. Наши буржуи покинули сейчасъ же городъ. Платили по 25—30 р. за проѣздъ на ближайшую станцію въ городъ Старый Крымъ въ 21 верстѣ отъ города, а остальную часть населенія оставили на произволъ судьбы... Когда толпа прибыла на берегъ (молъ), на катерѣ подплыли матросы и горячо ее привѣтствовали, и одинъ изъ нихъ произнесъ горячую рѣчь. Онъ разъяснилъ цѣль ихъ пріѣзда и что они намѣреваются дѣлать. Послѣ этого они предъявили ультиматумъ: чтобы въ теченіи 24 часовъ имъ былъ доставленъ уголь и провіантъ; въ противномъ же случаѣ городъ подвергнется бомбардировкѣ. Когда депутація отъ города вернулась, устроили экстренное засѣданіе, на которомъ рѣшили дать то, что они требуютъ. Но тутъ возстала полиція и дѣло стало клониться къ противному. Но полиція не нашла поддержки, за исключеніемъ одного гласнаго, Хозареса, и нѣкоторыхъ чиновниковъ (въ томъ числѣ акцизный съ фабрики Стамболи, извѣстный подлецъ). Одинъ изъ депутатовъ произнесъ рѣчь, приблизительно слѣдующаго содержанія: „Послѣ того, какъ я вернулся съ броненосца, я не могу не подать голоса за удовлетвореніе ихъ требованій. Помимо требованій, обращенныхъ къ городу, они еще требуютъ Всенародное Учредительное Собраніе, съ прямымъ, равнымъ, всеобщимъ избирательнымъ правомъ, съ тайной подачей голосовъ.“ Затѣмъ онъ разсказывалъ, какъ они привѣтливо приняли депутацію и какой у нихъ образцовый порядокъ. Продолжительные аплодисменты огласили залу. Одинъ господинъ (Хозаресъ) вскочилъ съ мѣста и пытался говорить. „Господа, сказалъ онъ — мы(?) не имѣемъ никакого нравственнаго права (!) удовлетворить ихъ требованія—они (?)... предатели(!?)“. Его хорошенько освистали и онъ ретировался.

Когда публика окончательно выяснила цѣль прибытія судовъ, она рѣшительно стала на сторону послѣднихъ и требовала выдачи требуемыхъ ими продуктовъ. Полиція обезсилила совершенно и пошла на уступки...

Сейчасъ отвезли имъ мясо, табакъ, муку и другіе продукты, а угля и прѣсной воды, благодаря вмѣшательству начальства военнаго горнизона, имъ не привезли. Часа въ три толпа прорвалась къ берегу и матросы опять подплыли.

Рѣчь одного изъ нихъ приблизительно слѣдующаго содержанія. „Мы выступили подъ знаменемъ Р. С. Д. Р. П. Мы будемъ сражаться до послѣдней капли крови. Кто за народъ, тотъ пусть пойдетъ съ нами, кто противъ него, пусть пойдетъ въ лагерь нашихъ враговъ. Съ народомъ погибнемъ, съ нимъ мы восторжествуемъ!“

Оглушительное „ура!“ раздалось имъ въ отвѣтъ.

Особенно хорошо ведутъ себя рабочіе береговые и фабричные. Первые изъ нихъ сейчасъ забастовали въ знакъ сочувствія. Команда овладѣла массой. За это могутъ ручаться слѣдующіе эпизоды: во время рѣчи матроса, одинъ выбросилъ изъ катера письмо. Изъ толпы перехватили и начали читать. Толпа слушала съ глубокимъ вниманіемъ. Когда начали расходиться, полиція поймала чтеца и отвела въ частный домъ для допроса, на помощь полиціи вызвали полроты солдатъ и его окружили. Толпа начала отбивать, лѣзя на штыки. Когда прибылъ командиръ, толпа закричала, чтобы освободить его, что немедленно было исполнено. Пытались съорганизовать „черную сотню", но тщетно. Одного толпа избила, другихъ отыскиваютъ и съ ними разсчитаются „по военному", какъ они выражаются.

По словамъ прибывшихъ матросовъ, у нихъ имѣется боевой матеріалъ и съѣстные припасы на полгода. Кромѣ того, у нихъ 94 орудія и 900 человѣкъ команды. Эскадра на ихъ сторонѣ, за исключеніемъ кучки офицеровъ, которые владѣютъ двумя или тремя контръ-миноносцами.

23 іюня. Пишу подъ впечатлѣніемъ того, что происходитъ у насъ въ городѣ. Съ утра уже начали удирать изъ города. Вся промышленная и общественная жизнь совершенно пріостановилась. Кое-гдѣ попадаются патрули и полицейскіе. Городъ объявленъ на военномъ положеніи. Тѣ, которые остались, собрались на горы и напряженно ждутъ... Вдругъ ружейный залпъ. Паника охватила всѣхъ. Когда стрѣльба прекратилась, выяснилось слѣдующее: миноноска подошла къ берегу, чтобы забрать зафрахтованное судно съ углемъ. Тогда пѣхота открыла огонь по миноноскѣ, на что она отвѣтила. Въ результатѣ съ обѣихъ сторонъ жертвы (раненые). Трехъ матросовъ арестовали. Всѣ недоумѣвали по поводу пассивнаго сопротивленія броненосца, но это вызвало одну только симпатію къ нему. Онъ сигнальными знаками указалъ на то, что онъ не пришелъ сюда разрушать городъ, и не долго ему выпустить 3—4 снаряда, а это унизитъ его революціонное достоинство. Въ 11 час. 45 минутъ онъ снялся съ якоря и ушелъ. Часовъ въ 7 прибылъ изъ Севастополя контръ-миноносецъ почти исключительно изъ офицеровъ для охраны города.

24 іюня. Городъ входитъ въ свою обыкновенную коллею. Настроеніе приподнятое. Сочувствіе только на сторонѣ матросовъ. Вездѣ собираются кучки рабочихъ и солдатъ и только говорятъ объ ихъ разумномъ поступкѣ. Солдаты гласно выражаютъ свое негодованіе противъ существующаго строя. Всѣ напряженно чего-то ждутъ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЪ „ИСКРУ“.

Революціонеры-матросы эскадреннаго броненосца „Князя Потемкина-Таврическаго“, принадлежащіе, многіе формально, а другіе фактически, къ Крымскому Союзу Р. С.-Д. Р. Партіи, шлютъ черезъ посредство редакціи „Искры“ товарищескій привѣтъ всему русскому пролетаріату. Вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ со всѣми борцами за свободу Россіи мы глубоко сожалѣемъ о неполномъ успѣхѣ нашего революціоннаго предпріятія. Но мы смѣемъ увѣрить всѣхъ товарищей, что лишь непреодолимыя техническія трудности и абсолютная невозможность достать угля поставили насъ въ печальную и трагическую необходимость покинуть нашъ броненосецъ. Теперь мы остаемся больше, чѣмъ когда либо. вѣрными дѣлу пролетаріата и свободы въ Россіи и выражаемъ полную готовность жертвовать своею жизнью по примѣру своихъ товарищей, павшихъ передъ Ѳеодосіей. Нашъ девизъ теперь, какъ и раньше, остается: „смерть или свобода для всей Россіи“.

Пользуемся этимъ случаемъ выразить нашу глубокую благодарность какъ товарищамъ изъ „Искры“, такъ и товарищамъ междупартійной комиссіи, составившейся изъ представителей обѣихъ соціальдемократическихъ фракцій, соціалистовъ-революціонеровъ и членовъ Бунда, а также всѣмъ иностраннымъ товарищамъ за ихъ чувства солидарности и за ихъ готовность помочь намъ въ настоящій критическій моментъ.

Да здравствуетъ россійскій пролетаріатъ!

Да здравствуетъ международный соціализмъ!

Да здравствуетъ всероссійская революція!

Евклидій Рѣзниченко, Степанъ Денисенко, Арсеній Самойленко, Иларіонъ Шестидесятый, Ѳедоръ Шевченко, Захарій Цимбалъ, Константинъ Савотченко, Никита Сиклинъ, Иванъ Захарченко. Ефимъ Бредихинъ, Николай Рыжовъ, Николай Хохряковъ, Андрей Петренко, Григорій Кулишовъ, Сидоръ Андросовъ, Борисъ Прохоровъ, Михаилъ Шенкаревъ, Тимофей Скребневъ, Иванъ Лычевъ, Александръ Макаровъ, Николай Алексѣевъ, Василій Куликъ, Никифоръ Добровольскій, Николай Алексѣевъ, Павелъ Коваленко, Василій Шишкаревъ, Григорій Антоновъ, Петръ Фесенко, Іосифъ Мартьяновъ.

Въ составъ комиссіи, управлявшей эскадреннымъ броненосцемъ „Князь Потемкинъ“, входили:

Находящіеся въ живыхъ: Денисенко, Матющенко, Шестидесятый, Рѣзниченко, Симковъ, Рыжовъ, Куликъ, Бредихинъ, Самойленко, Курыловъ, Скребневъ, Лычевъ, Овчаровъ, Костенко.

Убитые: Никишинъ, Заволошинъ, Цыркуновъ, Мартьяновъ, Вакулинчукъ.

(Настоящее письмо служитъ отвѣтомъ на слѣд. телеграмму, посланную нами тов. Раковскому въ Констанцѣ)

Женева, 8 іюля (25 іюня) 1905 г.

Передайте товарищамъ сердечное привѣтствіе и поздравленіе отъ имени русскаго пролетаріата. Вмѣстѣ съ нимъ, скорбимъ о неудачѣ смѣлаго подвига. Увѣрены, что слѣдующее возстаніе приведетъ къ цѣли.

Да здравствуетъ россійская республика! Да здравствуютъ революціонные матросы! Жмемъ руки товарищамъ-героямъ.

Искра.

Товарищи, не унывайте!*)

Товарищи, не унывайте! Еще не все погибло... Гнилое царское правительство далеко не все задавило во флотѣ. Есть еще тамъ люди, которые еще съ честью высоко держатъ славное знамя соціальдемократіи. Не падайте духомъ, товарищи! Не падайте духомъ, а набирайтесь отваги, запасайтесь храбростью и со всею силою, на какую вы только способны. продолжайте великую борьбу за святое дѣло освобожденія народа отъ царскаго гнета и отъ гнета капитала. Будемъ тверды, какъ закаленая сталь, въ этой борьбѣ пусть сердца наши не знаютъ пощады, не знаютъ жалости къ нашимъ злѣйшимъ врагамъ. „Колѣномъ въ грудь и руками за горло“ — пусть этотъ лозунгъ станетъ нашимъ лозунгомъ!

Товарищи! На этотъ разъ мы не сумѣли помѣшать русскому правительству безнаказано арестовать нашихъ товарищей, но мы должны отомстить за нихъ: русскій царь еще разъ напьется горячей народной крови — но дѣло освобожденія народа отъ этого не замретъ... Нѣтъ! За насъ сама жизнь, она толкаетъ насъ на борьбу съ самодержавіемъ. Никакимъ царямъ не совладать съ разбушевавшимся океаномъ справедливаго народнаго гнѣва и уже не далеко то время, когда въ освобожденной отъ царскаго самовластія Россіи рабочій классъ (пролетаріатъ) поведетъ свою послѣднюю борьбу, борьбу съ капиталистическимъ укладомъ общества и быстро пойдетъ на встрѣчу соціалистическому строю...

Товарищи! Наше правительство не въ первый разъ подавляетъ революціонное движеніе части народа: вспомните 9 января въ Петербургѣ, гдѣ самодержавіе омыло свои преступныя руки кровью многихъ тысячъ нашихъ братьевъ рабочихъ. Но развѣ отъ этого прекратилась борьба народа съ правительствомъ? Какъ разъ на оборотъ. Эта борьба стала болѣе упорной, болѣе ожесточенной: возсталъ Кавказъ, возстаетъ Польша, грозно волнуется вся внутренняя Россія. Россійскій пролетаріатъ хорошо уже понялъ. что чѣмъ скорѣе онъ свергнетъ самодержавіе, тѣмъ скорѣе онъ придетъ къ своему окончательному освобожденію отъ всякаго гнета. И уже близокъ день побѣдоноснаго возстанія россійскаго пролетаріата, онъ уже выпрямилъ свою согнутую спину... еще одинъ мощный взмахъ и... отъ самодержавія останется только позорная память.

Не падайте духомъ товарищи! Не приходите въ отчаяніе! Далеко не все потеряно. Быстро сомкнемъ наши разрозненные ряды и, плечемъ къ плечу съ возстающимъ пролетаріатомъ, поведемъ освободительную борьбу. На бой же, товарищи! На славный, смѣлый, кровавый бой за народное благо!

Долой ненавистнаго намъ царя! Да здравслвуетъ народная свобода! Да здравствуетъ соціализмъ!

Іюнь 1905 года. Матросы-соціальдемократы.

Изданіе Севастопольск. Ком. Крым. Союза Р. С. Д. Р. П.

